

Журнал «Посев» Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев».

103051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96., тел./факс: (095) 925-92-48

Издается с разрешения издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main.

Главный редактор

А.Ю. Штамм

Заместитель главного редактора

В.Ж. Цветков

Ответственный редактор

С.В. Николаев

Ответственный секретарь

Г.В. Кокунько

Редакционная коллегия:

К.М. Александров, Ю.К. Амосов,
Т.П. Артёмова, А.Б. Горянин,
В.Э. Долинин, Е.И. Древинский,
А.Б. Зубов, Б.С. Пушкарёв,
А.Р. Редлих, Р.Н. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
М.В. Славинский, И.Ю. Шауб,
А.Н. Шведов.

103031 Москва, К-31,

Ю.К. Амосову (для «Посева»);

197101 С.-Петербург, П-101, а/я 920,

Александрю Юрьевичу Штамму

Телефон/Факс в Москве:

(095) 925-92-48,

в С.-Петербурге:

(812) 233-09-23.

E-mail: posevru@online.ru;

posev@online.ru; posev1@online.ru

+ Web-версия журнала:

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом:

Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-7355; Fax 34-3841.

http://home.t-online.de/home/
possev-ffm/possev.htm

E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 11.11.1993 г.

Свидетельство о регистрации № 011048

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев»

ISSN 0234-8284

Макет и оформление

С.А. Стулов

Корректор

С.П. Ткаченко

Редактор по электронной обработке

А.Н. Моренко

Технический редактор

Т.А. Кустодиева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Редакция в переписку с авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов «Посева» ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 6 (1497) июнь 2002 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издается в Москве

Содержание:

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

- А. Шведов** Александр Лебедь: гражданин, солдат, политик... **2**
- В. Сендеров** Генералу Лебедю – вместо некролога **4**
- К. Александров** Самый длинный день **7**
- А. Штамм** Как избавиться от советского наследия: назад в 1913! **10**
- В. Флеров** Выборы на Украине **11**

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

- Т. Говоренкова, Д. Савин** Жилищный вопрос и жилищная кооперация – опыт России (*Окончание*) **12**
- А. Буровский** Польский след НТС **17**
- Позиция
- А. Деркач** Атакуемый суверенитет **19**
- М. Амусья** Их можно только победить! **21**

РОССИЕВЕДЕНИЕ

- А. Зубов** Между «западниками» и «почвенниками» (*Окончание*) **22**

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

- С. Левицкий** О духовной генеалогии солидаризма **28**
- С. Левицкий** О духовных основах солидаризма **31**
- МОСТЫ В ПРОШЛОЕ

- Ак. Д.С. Лихачев** Соловки 1928–31 (*Занесал С.Кастельский*) **34**
- Арх. Никон (Лысенко)** Кровавый январь в Таганроге **38**

КНИГИ И ЛЮДИ

- Г. Кокунько** П.Н. Краснов: «За чертополохом» **42**
- Г. Вербицкий** История с пропусками и замалчиваниями **45**
- Б. Пушкарёв** Мемуары В.М. Байдалакова **47**

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

- Памяти Вениамина Иофе **48**
- О кончине А.В. Добровольского **48**

*Александр Шведов**

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЬ: ГРАЖДАНИН, СОЛДАТ, ПОЛИТИК...

28 апреля 2002 г. в Ермаковском районе Красноярского края в авиакатастрофе погиб известный российский политик, губернатор Красноярского края Александр Иванович Лебедь и еще 7 человек – чиновники администрации края, журналисты.

Мне довелось работать с Александром Ивановичем с конца 1995 г., когда он только пришел в большую политику, после прекращения войны в Приднестровье и отставки, спровоцированной тогдашним министром обороны Грачевым. На всю жизнь запомнился боевой генерал в камуфляже, произнесший с телеэкрана: «И хватит ходить по миру как козлы за морковкой! Своим умом нужно жить!»

Он нестандартно вошел в российскую политику и нестандартно же вел себя в ней. Достигнув высоких должностей в Советской, а затем в Российской армии, выполняя поставленные начальством боевые задачи в Афганистане, Закавказье, других горячих точках, он не стал паркетным генералом, доживающим жизнь в штабе или в чиновничьем кресле. Неумная, самобытная натура простого русского мужика не давала ему остаться в стороне от происходящих в стране событий. Его пример – удивителен: он не был выходцем из правящих кругов, как большинство нынешних политиков, и, войдя в эти круги, не стал подчиняться их правилам, а действовал, как думал и чувствовал. Он был неудобен для

всех, но его были вынуждены терпеть, поскольку огромное число людей в России интуитивно воспринимали его как своего.

Путь в политике он начал с ошибок, да и потом ошибался не однажды. Был делегатом I съезда КПРФ, о чем впоследствии вспоминал с сарказмом, когда в Красноярском крае заставил краевых коммунистов поддерживать проводимую им политику – политику рыночных реформ и развития малого бизнеса. В госдуму пошел в одном списке с Рогозиным и Скоковым, предавшими и поносившими его потом.

Поддержал Ельцина в 1996 г. во II туре – и жизнь показала, что правильно. Во-первых, была вероятна победа Зюганова, во-вторых, это дало ему возможность реально проявить себя на всероссийском уровне – если не прекратить, то хотя бы приостановить ту бессмысленную и вороватую войну в Чечне, которую бездарно вело тогдашнее военное руководство страны. Скольких парней он спас от преждевременной смерти – никому не подсчитать.

Ныне некоторые генералы за Хасавюртовские соглашения обвиняют Лебеда чуть ли не в измене. Они, как обычно, валят с больной головы на здоровую. Достаточно посмотреть на стороны этих соглашений и убедиться, что заключены они были между РФ и «Чеченской республикой», т. е. между федеральным центром и субъектом федерации. А 12 мая 1997 г., когда Лебеда уже не было во власти, РФ заключила договор с «Чеченской республикой Ичкерия», т. е. признала сепара-

* Депутат Законодательного Собрания Красноярского края от избирательного блока «За Лебеда!»

тистский режим. Поразительно, что военные статьи этого договора с сепаратистами визировали многие из генералов, впоследствии обвинявших Александра Ивановича во всех грехах.

После отставки с поста секретаря совета безопасности, спровоцированной кремлевской бюрократией, убоявшейся возросшей популярности «внесистемщика», он создал Миротворческую миссию на Северном Кавказе, которая вытаскала из плена боевиков около сотни российских военных, причем не за деньги, как Березовский, а только за счет имени Лебеда.

В 1998 г. Александра Ивановича выбрали губернатором Красноярского края. Выборы проходили беспрецедентно, пожалуй, для всей России. Против Лебеда слетались агитировать Зюганов и Жириновский, Лужков и Рогозин – мало кто из официальной «элиты» не отметился в списке его противников. А он победил, вопреки им, благодаря поддержке людей, увидевших в нем не только возможного кандидата в президенты страны, но человека, не зависящего от ФПГ (финансово-промышленных групп) и ОПГ (организованных преступных групп), которые в последнее время и стали новой российской номенклатурой.

Управление краем давалось трудно. Сопrotивление местной бюрократии, срoсшейся с олигархическими структурами и организованной преступностью, мешало добиться реальных успехов в экономике. Как десантный генерал, Лебедь быстро определил точки прорыва в местном коррумпированном болоте и начал их развивать. Результат известен: глава краевого организованного преступного клана находится под судом (пока находится...). Меньше известно, что именно изоляция головки организованной преступности в крае позволила свободно вздохнуть тысячам мелких и десяткам крупных предприятий, вышедших из теневого оборота. В этой ситуации ни Зубов, никто из других предшественников Лебеда не смогли бы действовать так, как он. Он «ломал хребты» преступникам, создавал условия для эффективной работы правоохранительных органов, матерился в прямом эфире и добивался результата. Долги краевого бюджета по заработной плате и пособиям учителям и врачам, скопившиеся при прежней власти за 5 лет, были погашены за 2 года. Из налоговых отношений ушел в прошлое бартер, поднялся с нуля до нескольких тысяч выпуск сельхозкомбайнов, построены десятки новых школ и больниц. Социальные выплаты ветеранам труда в крае намного превысили общероссийские показатели. Отстроился заново краеведческий музей. Красноярский симфонический оркестр возглавил И. Шпиллер, дирижер с мировым именем.

При всем этом, его продолжали яростно ненавидеть как местные, так и федеральные правящие круги. Он относился спокойно к этому и всегда говорил: «Если у Вас нет оппозиции, ее непременно нужно создать, чтобы Вы не чувствовали себя спокойно, чтобы Вас подгоняло вперед чужое дыхание в спину». Но в крае было не дыхание, а звериный рык ряда депутатов, представителей местной власти и СМИ. Финансируемые различными ФПГ и ОПГ, они начали систематическую травлю Лебеда. На все предложения по закрытию и нейтрализации оппози-

ционных структур, он отвечал: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

В 2001 г. край схоронил Виктора Астафьева. Они были близки с Лебедем при жизни, возможно, потому, что очень схожи по своим жизненным путям. Астафьев прошел II мировую и написал о ней правду, Лебедь, пройдя несколько войн, не побоялся сказать правду о них всему народу. Оба были самобытными, яркими, независимыми людьми, оба матерились по всякому поводу, оба стремились к истине, не всегда понимая, где она находится. Даже враги в крае у них были общие. Коммунист О.Пашенко, редактор «Красноярской газеты», стал известен в свое время травлей Астафьева. После прихода в край Лебеда известность Пашенко выросла за счет травли нового губернатора. И сегодня, как обычно, много шакалов крутится вокруг погибшего льва, надеясь и после смерти поживиться за его счет.

После Лебеда осталось политическое наследство. Это люди, которые ему помогали и поддерживали, не только в Красноярском крае, но и в Приднестровье, и во многих регионах России. Это созданные им общественные организации: «Честь и Родина», «Российская народно-республиканская партия», Молодежное движение «Лебедь», Миротворческая миссия на Северном Кавказе. Это и положительное мнение о нем в народе. Это и незавершенные им дела.

Его похоронили на Новодевичьем кладбище в Москве. Столица при этом долго не могла определиться с уровнем похорон. Администрация президента ждала реакции жителей Красноярского края на смерть губернатора. Только когда стало известно, что за неполных 12 часов в Красноярске проститься с погибшим пришли около ста тысяч людей (далеко не все из них симпатизировали покойному при жизни), было принято решение похоронить по высшему разряду.

Когда улеглись первые эмоции после трагедии, родилось несколько мыслей, отражающих ее значение. Одна из них: этот человек жил достойно и достойно ушел из жизни. Он разбился в вертолете, следовавшем на открытие его нового проекта – горнолыжной трассы в Ермаковском районе. Другая – он покинул сей мир непобежденным, так как в жизни он всегда был победителем. Представить А.И. Лебеда удыщим рыбу на пенсии – невозможно. И последняя мысль: Господь забрал его к себе, чтобы имя его осталось навсегда светлым в истории и чтобы те люди, которые творили наветы на него или верили в них, опомнились и покаяться в своих заблуждениях. Он ушел из жизни в Вербное воскресенье: по поверью, души умерших в этот день попадают в рай. Девятый день со дня смерти, когда душа предстает перед Богом, пришелся на день святого Георгия Победоносца – покровителя всех воинов. Он и останется в нашей памяти доблестным воином, миротворцем, сильным русским человеком с противоречивой и сложной натурой. О таких, как он, сказано:

Природа – мать!

Когда б таких людей

Ты иногда б не посылала миру,

Заглохла б нива жизни....

Валерий Сендеров

ГЕНЕРАЛУ ЛЕБЕДЮ – ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Много лет прошло с тех пор, и трудно уже вспомнить, кто из нас первым обратил внимание на молодого «приднестровского» генерала. Но дело не в этом, не заметить Лебеда было просто нельзя. Начало 90-х, жизнь в стране в полном развале: старое рухнуло, новое еще не установилось. Все в растерянности, целые отрасли жизни парализованы и армия в полном развале. Но не вся: лебедевская, приднестровская – в образцовом порядке. Мощными «точечными» ударами генерал враз кончил войну (единственный случай на пространствах заливаемого кровью «Содружества!»), и теперь его армия сторожит жизнь людей. Не нормальную жизнь, конечно: до нее еще далеко. Но все-таки мирную, спокойную и – на низшем уровне – стабилизирующую жизнь.

Лебедь ярко заметен не только как профессионал трудно пройти и мимо его политических высказываний. Жесткий здравый смысл – но не зацикленный, не самодурский, открытый аргументам окружающего мира. Категоричность, безапелляционность: что поделаешь, такая профессия. Но видно, что генерал внимательно приглядывается к окружающему и к своим оппонентам (заочным пока) тоже. Соглашаться сразу не будет ни с чем; а заложит в себя, переварит и постепенно дойдет до многого. Многие его высказывания поражают советскостью. Подчас матерой, такое нынче уже и не в моде... Но Лебеда на моду плевать, перекрашиваться он не будет, а до чего дойдет – дойдет своим умом. Словом, дадим краткую характеристику: «Самобытен, талантлив, умен. Очень упрям. Способен к эволюции».

Генерала заметят многие. Но это будет позже, а пока московская тусовка убеждена: в ней, и только в ней, вершатся судьбы страны и мира.

Мы послали к Лебедю корреспондента, снабдили его «Посевом», книгами. Генерал внимательно все прочитал. Реакция была неоднозначной: от согласий, подчас неожиданных, до резкого негатива. Особенно по афганским проблемам: та война виделась вчерашнему десантнику совсем с другой, чем нам, стороны.

Как бы то ни было, интервью «Посеву» Лебедь дал без колебаний – весьма необычный поступок для советского генерала: гораздо более «прогрессивные» из них, чем Александр Иванович, не решились бы тогда на это. Кажется, это интервью с Лебедем было в российской печати первым. Во всяком случае, из развернутых журнальных публикаций, дававших «герою» возможность высказаться откровенно и до конца.

А время шло, и положение Лебеда в Приднестровье становилось неустойчивым. Командарм действовал в республике на свой страх и риск: Москва, похоже, одобряла его, но никакой ответственности на себя брать не хотела. Период партизанщины кончался, и приднестровской армейской вольнице наступал конец. По здравому смыслу генерал действовал наилучшим возможным образом, но оправдать его действия формальными доводами было затруднительно. Кончил войну, прекратил мясорубку? А какое имел право вмешиваться в чужой стране?

Такие вопросы звучали все настойчивее. Что ж, хорошо, конечно, что в стране устанавливается хоть какой-то порядок; но с этого ли начинать? Впрочем, все к лучшему: тираспольские рамки тесны Лебедю. Жаль приднестровцев, но перед нами личность другого масштаба: место Лебеда в «большой» России.

Генерал не сразу вышел в отставку, но «вектор» – из армии в политику – проявлялся все определеннее. Крепли и наши контакты, поначалу опосредованные, «закулисные». Лебедь побывал в Германии, в США, читал там лекции, встречался с политиками и общественными деятелями. Мы не «делали» политика – да с таким человеком это было бы и абсолютно невозможно. Мы просто давали ему возможность проявиться.

И вот – «историческая встреча»: мы – Роман Николаевич Редлих, Борис Сергеевич Пушкарев и автор этих строк – в московской квартире генерала. С интересом оглядываем друг друга, а я и обстановку к тому же. Что запомнилось? Книги, много книг, начиная с прихожей. Полистать возможности не было, но обратил внимание на корешки: много дешевых новых изданий. Передо мной была явно не «наследственная» библиотека, а приобретаемая постоянно, каждый день. В квартире никакой роскоши, но обстановка не спартанская – комфортабельная, удобная для работы: немяг-

кие стулья, диван, низкие журнальные столики. С традиционным образом сановно-самоудурного советского генерала все это не вяжется никак.

Генерал приготовил кофе, открыл печенье. Завязался разговор. Крайне напряженный поначалу, но главное – откровенный: мы не старались «прийти к консенсусу», а всерьез друг друга понять. Было ли это просто? Пусть судит читатель: мне запомнилась одна деталь. Не очень существенная, но все-таки...

В какой-то момент разговора генерал вдруг, немного помедлив, сказал решительно: «Знаете, я не монархист». «Мы тоже», – удивленно ответил Роман Николаевич (я скромно промолчал). Станный эпизод вскоре прояснился. Оказывается, Александр Иванович был убежден, что все мы монархисты: белая эмиграция, как же может быть иначе? Но монархист оказался всего один: выросший в подсоветской России автор этих строк. Курьез, конечно, но показательный. За столом сидели: ученик великого Франка; сын белого добровольца, эмигрантского историка и ... советский генерал. Встреча оказалась воистину исторической, без кавычек... Расстались мы гораздо теплее, чем встретились. Прогресс был очевидным, хоть и небольшим.

Контакты установились, близился и удар по ним. Когда – вскоре – удар этот был нанесен, у меня поначалу было ощущение, что я попал в дешевый детектив. И немудрено: об операциях «антиНТС» я до этого читал лишь в книгах. Изысканные акции проводились за рубежом, в СССР все было проще: обыск, арест, срок.

...В какой-то день где-то в Москве меня разыскали корреспонденты.

- Вы представляете руководство НТС?
- В какой-то мере, в объеме своих конкретных полномочий.
- Правда ли, что руководство НТС выпустило листовки в поддержку генерала Лебеда?
- Нет, не правда: об этой акции я не мог бы не знать.
- Но листовки в Москве сегодня появились.
- Такого официального документа НТС все-таки нет. Может быть, это какая-то группа нашей молодежи: некоторые у нас сочувствуют взглядам Лебеда.
- Но листовки подписаны: Народно-Трудовой Союз.
- Что ж, у нас, как и в других местах, энтузиасты могут выражаться юридически неточно.

Я старался взвешивать каждое слово: ясно, что свою поддержку Лебеда мы не афишировали. Но действительный смысл этой истории я понял лишь через несколько часов, когда увидел листовки.

Портрет Лебеда, с кривой ухмылкой, с прищуром. «Днем наглядисься, ночью забиись», – говорят о таких «фотках» в народе. Соответствующий и текст: «Голосуйте за Лебеда! НТС поддерживает его! России нужна эта твердая рука!» (На портрете «твердая рука» решительно сжимала чашку чая.)

Словом, очевидная провокация. Очень точная и меткая по достигнутому вскоре результатам. Но продолжим по порядку.

История с листовками появилась в... десятке крупных газет и журналов. Почему? Маломощная организа-

ция поддержала, допустим, одного из политиков небольшим числом листовок. Ну и что? Что за событие? Неужто так легко в Москве – стоит только захотеть! – обратить на себя внимание, получить широкую скандальную прессу?

Каким непостижимым образом второстепенное, при всех условиях, событие бухнулось в первый новостной ряд? Как заказчики это организовали? Просто приказать редактору сегодня нельзя, это очевидно. Но добиться желаемого результата, оказывается, очень легко...

Интересна была и сама реакция журналов и газет. Разная, но... не очень. Большинство изданий выдало то, что выдало бы и в 70-е, в 60-е: «Фашисты, поддерживали Гитлера – теперь поддерживают Лебеда: нашли своего!» Особенно отличилось многоопытное «Новое время». Неужто тамошние зубры так-таки и не распознают очевидные грубые провокации? А может, наоборот: распознают на корню и тотчас становятся по стойке «смирно»?

Тяжелые воспоминания оставила у меня эта история. И не о провокаторах: с них-то какой спрос?

События развивались. Мы дали опровержение, но не тут-то было... Одновременно редакции получили фальшивые опровержения от нашего имени, они лишь углубляли ситуацию: «Да, мы контактируем с генералом Лебедем! Мы поддерживаем этого выдающегося человека! Однако листовок мы не выпускали...»

Словом, провокация удалась: кто бы выпускал, кто что писал – разобрать что-либо стало уже невозможно. Но выглядело все это очень мрачно. И впечатление произвело на Лебеда сокрушительное: к таким войнам он не привык.

– Не могу я так. Не могу во всем этом разобраться, но вижу: слишком много вокруг этого грязи, – сказал генерал.

Ему было тогда тяжело: политическая карьера генерала начиналась неудачно. Первые его шаги на новом поприще были связаны с Конгрессом Русских Общин. Что такое был КРО? Организация эта выдвинула идею поддержки русских общин в ближнем зарубежье, идея была и правильная, и эффектная. Но ни реализовать ее, ни хоть как-то держаться на плаву КРО был органически не в состоянии. Создан был Конгресс неудачливыми комсомольскими работниками, «пятым эшелон» райкомов, опоздавшими ко всем дележам добычи и наконец-то протершими глаза. Лидер КРО Дмитрий Рогозин сделал ныне крупную думскую карьеру. Стоит посмотреть на него в Страсбурге, немного же для такой карьеры нужно... Но Рогозин был еще самым продвинутым из них, он хоть способен плавать по поверхности. А остальные?.. КРО сразу оброс громоздким бюрократическим аппаратом, клинически не способным к какой бы то ни было пропаганде, рекламе, контактам, зато прочно отгородившимся от всего мира автоответчиками, телефаксами, а еще роднее и проще – престарелыми «секретарями» со знакомо-внимательным взором...

Взгляды КРО – патриотические, но спокойные, без паранойи – совпали, однако, со взглядами Лебеда. Он

стал одним из лидеров Конгресса. Лебедь понимал, конечно, цену своим собратьям. Всегда сдержанный по отношению к союзникам, он однажды обмолвился решительно: «Трамплин, просто трамплин...»

Трамплин ли? Или скорее гиря, тянущая лишь вниз? КРО не дал Лебедю-политику никаких очков; но ведь с чего-то начинать было действительно надо...

Считалось, что наши контакты – Лебеда и НТС – после истории с листовками сразу прервались. Это не совсем так, они продолжались еще несколько месяцев. Я встречался с генералом в офисе КРО на Новом Арбате. Помню, там висели плакаты: Лебедь из-под генеральской фуражки победительно смотрит на Москву. И подпись соответствующая: дескать, данный офис – командный пункт, а изображенный герой вот-вот вступит в город победителем. После сокрушительного поражения КРО на первых же думских выборах этот агитационный шедевр так и не удалось снять...

Лебеда «пасли» самым грубым и откровенным образом. Боже, кто в это время его окружал, нужно было видеть эти лица... Это был даже не бывший КГБ, в «конторе» попадались все-таки и мобильные, интеллектуальные кадры. Полканы «первоотдельского» вида сверлили меня глазами, когда я приходил. Сухопутные моряки, стрелки, в глаза не выдавшие ружья, с алкоголическими прожилками и выправкой коридорных профессионалов. Но внимательные наблюдатели за посетителем ли только?

Мы с Александром Ивановичем не разговаривали вслух – изъяснялись записками; понравилась ему и «говорящая досочка»¹. Я хотел подарить ее генералу, но не стал: увидит этакий подарок какой-нибудь полкан, окончательно взбесится... В основном мы обменивались бумагами. Разными, например, текстами лебедевских интервью, их немало тогда появилось, таким образом, в провинциальной печати. Было ли это для Лебеда правильным путем: завоевывать избирателя вот так, понемногу, слово за словом? Думаю, да. Именно так – силой своей личности, а не через сверхвысокие технологии – он и завоевал вскоре поддержку миллионов людей. Это было уже без нашего участия, но выбранный способ оказался правильным. Навивный, ныне уже безвозвратно устаревший способ: не полагаться на спецэффекты и трюки, а просто говорить, писать, убеждать.

Прошли немногие месяцы, и наши контакты прервались уже окончательно. Я ведь не невидимка. Скрывать можно было содержание бумаг и разговоров, но не самого же себя... Давление на Лебеда оказывалось явное. «Не могу больше, – развел он как-то руками. – Без этого будет лучше...» Пожалуй, он был прав: поддержка на-

ша была не столь уж значительна, вряд ли она оправдывала сильный пресс «коллег».

Дальше я наблюдал за генералом уже со стороны. Звезда его взошла быстро, но быстро и закатилась. Все-таки мы не Испания, не Чили, и «время пиночетов» у нас скоро прошло. Был какой-то период, когда человек с качествами Лебеда мог, при соответствующих обстоятельствах, взять власть в свои руки, спасти страну. Но период этот скоро кончился, и пришла пора политиков-профессионалов. Со всеми присущими данной профессии качествами. У Лебеда эти качества вырабатывались, наверное, но просто не могли отпираться до конца.

И, по-видимому, это к лучшему. Звезда Лебеда давно закатилась на «небосклоне первой величины». Но кроме политнебес есть ведь еще и Россия, ее надо отстраивать.

Генерал очень быстро и ясно понял это. Его отказ участвовать в президентских выборах остался шагом, мне кажется, не оцененным по достоинству: дескать, не имел шансов победить Путина, вот и отказался. Но ведь остальные «претенденты» пошли на борьбу – просто чтобы набрать очки, на победу они тоже не рассчитывали. А Лебедь свои очки набирал по-другому. Он не размахивал руками на телеэкранах, он поднимал огромный Красноярский край. Без рекламы и помпы. Но, сколь можно судить, в целом весьма успешно.

В «окололебедевских» кругах не умирала идея: события могут развернуться по-разному, и генерал может быть еще востребован «на высшем уровне». Но не думаю, что сам Лебедь в душе верил в это, здравого смысла у него хватало всегда. А, кроме того, мне кажется, что на посту красноярского губернатора он нашел себя. Он стал созидать, строить. Ему это понравилось.

Думаю, Лебедь щедро был наделен качествами «комкора Сидорчука»²; но время другое, и судьба вышла другая. Суть советского режима генерал понял до конца, о его подлости и вранье он с обычной своей резкостью не раз говорил в последние годы. Но воевать с ним «Сидорчуку» не пришлось: режим рухнул под весом собственной бездарности. Традиционную свою разруху коммунизм оставил после себя. С таким наследием надо бороться, и Лебедь увлеченно делал это.

У Лебеда не было никакого прошлого. Кроме советского, – и пропасть между Россией и такими людьми кажется неодолимой. Но генерал ее перешагнул. И вышел к традиционным ценностям – мужеству и честности, ясному, незамутненному ложью разуму и созидательному труду.

Таким Вы, Александр Иванович, нам и запомнитесь.

¹Специальная слюдяная пластина, на которой пишут заостренным стилосом.

²Фигура из довоенной агитации НТС. Тогда считалось, что национальная революция в России может произойти в т. ч. и путем военного переворота, возглавленного гипотетическим «комкором (генералом) Сидорчуком».

Кирилл Александров

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

«Поняв же, что не «Коммунистический Манифест», а НКВД плюс анархо-монархо-троцкистский блок это и есть советская власть, мы поняли сразу всё и капитулировали без боя. Вместо светлых вершин коммунизма в нас вошло желание выжить, и не здесь, в немецких шталагах, а под водительством Сталина мы успели твердо усвоить, что жизнь – только отпуск у смерти, а свобода – отпуск из лагеря.»

Каждому из нас хотелось погулять в отпуску подольше, и мы готовы были говорить, что угодно, и работать на любой работе, круглое катать и плоское таскать, вывозить вручную баланы, прославлять великого Сталина, переводить брошюры об чудобольшевизме, набивать снаряды для гитлеровской армии, служить в полиции и доносить друг на друга, лишь бы продлить свой отпуск у смерти, а по возможности, и из лагеря».

Роман Николаевич Редлих «Предатель»

Слева: 22 июня 1941 г.: советские люди слушают речь Молотова.

Справа: Запись добровольцев на фронт. Москва, лето 1941 г.

День летнего солнцестояния 1941 г., в который раз расколовший XX в. на бесконечно далекие друг от друга состояния *до* и *после*, неизбежно превращается в объект сухих исследований. Дата 22 июня постепенно принимает характер события, связанного не с постоянным общественным содроганием, а с жизнью конкретного социума в контексте определенной исторической реальности. И с каждым новым десятилетием, отдаляющим нас от календарного начала германского вторжения, мы убеждаемся в том, насколько радикально меняется общество и его отношение к самой страшной войне в истории человечества. Не будет большим преувеличением заметить, что после распада СССР и формального крушения власти, самоназвавшейся советской, необратимо нарушилась преемственность поко-

лений в традиционном восприятии ассоциативных дат 22 июня или 9 мая.

Два десятилетия назад мобилизации сотрудников столичных УВД для пресечения всевозможных акций *русских наци* казались бы абсурдными, а сегодня каждая апрель отечественные СМИ уделяют больше внимания очередной годовщине со дня рождения лидера НСДАП, чем вождя РСДРП(б). Но это общий фон в чем-то закономерных внешних проявлений, свидетельствующих о безусловной коррозии общепринятых ценностей понятий. На внутреннем уровне мы наблюдаем тенденцию мучительных поисков ответа на вопрос: что же все-таки произошло 22 июня в общественном сознании и как нам сегодня к этому относиться? Не менее важен и другой вопрос: соответствуют ли действительности стереотипы о реакции советских людей на известие о начале войны, навязываемые сегодня властью в качестве одной из составляющих «общенациональной идеи»?

Сегодня абсолютно ясно, что «вероломным» и «неожиданным» германское вторжение оказалось лишь для народа, но не для советского военно-политическо-

го руководства, достаточно информированного о планах Германии. Другой вопрос, в какой степени Сталин и его окружение были способны адекватно оценить накапливавшиеся достоверные сведения. По меньшей мере высшее командование Красной армии заранее сделало на их основании почти верные выводы. Более чем за месяц (!) до нападения 15 мая 1941 г. нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник генштаба генерал армии Г.К. Жуков в докладной записке на имя Сталина писали как о чем-то не подлежащем сомнению: *«Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий [...] В настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.»* В этой связи Тимошенко и Жуков предлагали *«упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»* (по док. №473, записка наркома обороны СССР начальнику ген. штаба Красной армии, председателю совнаркома СССР И.В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания ВС Сов. Союза на случай войны с Германией и ее союзниками. Сборник докладов. 1941 г. Т.2., М., 1998.). Очень вероятно, что все последующие перемещения и развертывания войск, произошедшие до 22 июня, осуществлялись в рамках вышеупомянутых предложений.

В полдень 22 июня 1941 г. заместитель председателя совнаркома и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов огорошил покорных сограждан известием о «разбойничьем нападении» Германии. До этого момента А. Гитлер воспринимался, в соответствии с партийной пропагандой, не иначе как «заключенный друг». Уместно процитировать воспоминания киевского подростка: *«Перед каждым фильмом непременно шел киножурнал-боевик «Пребывание В.М. Молотова в Берлине». [...] Из него явствовало, что у Советского Союза нет большего друга, чем Гитлер. У советского народа есть Сталин, а затем – Гитлер. И вот Молотов едет в Германию, у нас с ней пакт о дружбе и ненападении. Его встречают в Берлине оркестрами, цветами и овациями. Изумительно маршируют гитлеровские войска. Захватывающая военная музыка. Гитлер по-братски радушно встречает Молотова, долго-долго трясет ему руку, они о чем-то увлеченно говорят, а вокруг толпа фотографов, вспышки. И опять сногшибательно маршируют немецкие войска с развернутыми знаменами, на которых – такая мужественная, дружественная нам славтика.»*

Из речи 22 июня слушатели узнали, что Гитлер и его «старые партийные товарищи» отныне просто «клика кровожадных фашистских правителей, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.» О неопределимой помощи в деле порабощения вышеупомянутых народов, оказанной Германии СССР, Молотов промолчал.

Немцы и союзники ввели в действие силы гораздо более скромные, чем изначально допускало высшее

командование Красной армии, завывсившее потенциальные возможности врага на 20%. В нападении участвовали силы противника, равные не 240, а 191 дивизии, из них в I наступающем эшелоне оперировали лишь 153, следовали во II – 13 и находились в резерве Главного командования сухопутных сил – 25. СССР мог противопоставить агрессору на Западе сразу же около 250 дивизий: в I эшелоне – 108, во II – 62 и в резерве Главного командования – до 77 соединений, не считая серьезного количественного превосходства в технике и других потенциальных возможностей. С учетом общей оценки состояния сил противоборствующих сторон как в целом, так и на отдельных направлениях. Вермахт мог рассчитывать лишь на временный успех, вероятно, не более чем на протяжении первых недель. В действительности же состоялся подлинный разгром Красной армии, поставивший страну к октябрю 1941 г. на грань катастрофы. Окончательное политическое крушение СССР не состоялось благодаря совокупности многих причин, анализ которых выходит за рамки нашего повествования. Среди важнейших из них стоит назвать готовность высшей номенклатуры ВКП(б) пожертвовать любым количеством жизней бойцов и командиров ради сохранения собственной власти. За 22 июня сталинское окружение готово было платить не только бесчисленными человеческими жертвами, но и назначить более ощутимую в материальном выражении цену.

В кошмарные недели лета 1941 г. генеральный комиссар ГБ Л.П. Берия в строго доверительной форме предложил старшему майору ГБ П.А. Судоплатову встретиться в московском ресторане «Арагви» с болгарским дипломатом И. Стаменовым для того, чтобы согласно решению советского правительства в *«процессе беседы на тему о создавшейся военно-политической обстановке»* неофициальным путем выяснить: *«на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских войск»* (док. № 651 из объединительной записки П.А. Судоплатова в совет министров СССР 7 августа 1953 г. Т.2, стр.488). В частности, Берия поручил Судоплатову довести до сведения собеседника готовность сталинского руководства в обмен на заключение мира рассмотреть вопрос о передаче Германии *«таких советских земель, как Прибалтика, Украина (скорее всего Западная. – Прим. авт.), Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек»*, или рассмотреть другие территориальные претензии. Вероятно, Сталин был готов передать партнерам по Московскому пакту 1939 г. как минимум все территории, аннексированные СССР в 1939-40 гг. Встреча Судоплатова и Стаменова в «Арагви» за «заранее подготовленным» столиком состоялась, но осталось неизвестным, уведомили ли болгарские дипломаты германскую сторону о советских инициативах. Для нас здесь существенна не столько реакция Гитлера на подобный демарш, сколько беззастенчивое закулисное предательство тех, кого Сталин цинично призывал в собственном выступлении 3 июля 1941 г.: *«Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного*

Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

Историки, социологи, публицисты разных возрастов и взглядов ожесточенно ломают копыта в поисках ответа на вопрос: как в действительности реагировал народ на известие о начале войны? Цитируются самые неожиданные документы и мемуары, публикуются неизвестные свидетельства и делаются многозначительные обобщения. По одной из дневниковых записей, сделанных 22 июня: «Речь Молотова звучала с заминками, торопливо, как будто ему не хватало дыхания. Его ободряющий призыв звучал совсем не уместно. Сразу же возникло чувство, будто угрожающе, медленно приближалось чудовище и приводило всех в ужас. [...] Город был в панике. Люди поспешно перебрасывались парой слов, бросались в магазины и скупали все, что попадалось под руку. Будто вне себя металась она по улицам, многие отправились в сберкассы, чтобы забрать свои сбережения. [...] Лишь под вечер стало странно тихо. Казалось, что все куда-то забились от ужаса». Самозабвенный патриотический порыв комсомольской молодежи столиц и крупных городов перемежался с настроениями, зафиксированными в воспоминаниях инженера-ростовчанки. Речь Молотова застала ее на городском рынке: «Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «Вот оно, начало конца советской власти! Я как-то не подумала, что война – это бедствие, что в войну будут втянуты мой муж и братья; все загордела одна мысль: война выбьет большевиков из седла власти. Вероятно, так чувствовала не только я одна; на всех лицах было видно как бы радостное возбуждение, но расходились без громких замечаний».

Но не патриотизм и не пораженчество превалировали в общественном настроении после знаменитого радиовыступления Молотова. Доминировала *растерянность* от услышанного. После Польши, Финляндии, Румынии, Прибалтики казалось странным и неправильным, что СССР оказался в положении страны, подвергшейся нападению, в то время как вся пропаганда неустанно подчеркивала: «Красная Армия была, есть и будет самой нападающей из всех нападающих армий». Безжалостно истребив национальную элиту, самобытные сословия и хозяйственное крестьянство, оболгав на инквизиционных судилищах ленинскую партийную гвардию, вершителю революции и гражданской войны, обескровив для профилактики преданные кадры ВКП(б) и НКВД, сделав обязательным участие всех и каждого в обычных преступлениях, сталинская номенклатура добилась необратимого превращения народа в безвольное, духовно опустошенное, разобщенное население. Истина, жизненные ценности, норма поведения, понятия добра и зла на текущий момент принимались им в соответствии с последними постановлениями ЦК.

Справедливо рассуждал безвестный ленинградский профессор: «Советский человек легко и свободно говорит на политические темы [...] У него в высшей степени развит талант забвения вчерашнего дня и смены своих фиктивных убеждений по команде. Никогда не коснется

он по ошибке ни одного из многочисленных советских табу. Всегда сумеет поддержать разговор на любую тему: возмутиться вредительством, одобрительно отозваться о качествах партийного руководителя, сочувственно отнестись к поощрению индивидуального огородничества, сурово осудить разбазаривание колхозного имущества, загореться гневом, слушая о фашистских зверствах. [...] Свои настоящие чувства он прячет так глубоко, что подчас даже и сам их не знает. Свою роль рядового советского труженика он играет так виртуозно, что и сам не всегда различает, что в нем привычная, годами исполняемая роль, а что он сам, его подлинная душа, его подлинное лицо. [...] От советского человека требуется не только работа, но и сознательность, ясно очерченное партией политическое лицо. За отсутствие правильного лица грозит Лубянка».

Очерченные партией и правительством в августе 1939 г. контуры новой роли были ясны и понятны среднестатистическому советскому человеку. С «воодушевлением» он воспринял пакт Молотова – Риббентропа, названный в «Правде» 24 августа 1939 г. «инструментом мира», соучастие собственной страны в агрессии против Польши, нападение на Финляндию, аннексию части Румынии и оккупацию прибалтийских государств... Интуитивно почувствовав неуверенность власти 22 июня 1941 г. и быстро осознав, что «вероломное» нападение Германии на СССР почему-то не предусматривалось планами великого Сталина, советский человек растерялся, оставшись без привычной роли. Впервые обнаружилось существование каких-то внешних обстоятельств, оказавшихся более сильными, чем воля вождя или директивы ЦК ВКП(б), в данном случае – воля вождя другой партии, воплотившаяся в неожиданном грохоте дивизий Вермахта. Подобное открытие могло зародить *сомнение* во всеисильности и проницательности партии, поэтому сталинская номенклатура стала лихорадочно набрасывать очертания новой роли для растерявшегося населения – *защитников отечества*. Добросовестное выполнение предложенной роли позволяло выглядеть лояльным, обеспечивало уважение в собственных глазах, делало простыми жизнь и поступки, даже отчасти гарантировало безопасность от карательных органов.

Эта роль, которую власть принудительно предложила играть населению, проживавшему на территории некогда уникальной страны, была наиболее горькой из всех сыгранных советским человеком. Самый длинный день растянулся еще на 1417 похожих и непохожих дней. В каждый из них исполнение ролей все более совершенствовалась, порой превосходя жизнь по трагизму переживаемого. Когда все-таки бездарный и кровавый спектакль завершился, выжившие участники труппы даже заслужили несколько милостивых хлопков главного режиссера, усидевшего в собственном кресле лишь благодаря их самоотверженной игре. Правда, актеры даже боялись предположить последнее, поэтому многие до сих пор наивно верят в величие и счастливый конец ослепительной трагедии, начавшейся в день летнего солнцестояния 1941 г.

Александр Штамм

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ: НАЗАД В 1913!

Судя по сообщениям СМИ, отчетам многочисленных аналитических служб, выступлениям государственных деятелей, коррупция охватила Россию. В самом деле, по данным социологов Самары, 70% горожан вынуждены давать взятки.

Исследования, проведенные фондом «Индем» «Информатика для демократии» говорят о том, что ежегодная сумма взяток в РФ составляет \$37 млрд (доходная часть бюджета страны – примерно \$40 млрд). Объем взяток, даваемых предпринимателями, – \$33,5 млрд (55,4% идет исполнительной власти, 17,2% – «правоохранительным» органам, 13,2% – судам, 14,7% – законодателям. \$2,8 млрд взяток граждане платят в бытовой сфере (от подоходного налога РФ получает \$5,8 млрд). При этом за «бесплатную» медицину люди платят \$603 млн, а за «бесплатное» образование – \$450 млн, что больше государственных расходов на эти области.

Но может быть, исследования «Индем», приблизительные как все социоопросы, искажают картину? Что говорят об этом исследования других организаций, какое место по коррупции РФ занимает в ряду других стран?

С 1995 г. международная организация «Транспэрэнси Интернэшнл» (ТИ – Transparency International) анализирует на основании многочисленных экспертных оценок, даваемых предпринимателями, учеными, экономическими аналитиками, по многим показателям степень коррумпированности в разных странах и публикует степень распространенности коррупции (СРК) в них. Степень эта измеряется по 10-балльной шкале. Причем, чем она выше, тем менее

распространена коррупция, т. е. 10 баллам соответствует отсутствие продажности, а 0 – полное разложение.

В 2001 г. ТИ проанализировала СРК в 91 стране. Данные по отдельным странам приведены в столбцах 1 и 3 нижепоименной таблицы. Точность показателей, полученных на основании метода экспертных оценок, применяемого ТИ, во многом зависит от числа опрошенных экспертов, количества анализируемых отчетов, информированности и объективности самих экспертов.

Поэтому данные по таким странам, как Казахстан и Узбекистан, полученные на основании малого числа опросов и отчетов, говорят, что уровень коррупции в них ниже, чем в РФ. Но любой человек, побывавший в этих странах, скажет, что это не так. Просто западные специалисты не учитывают факторы традиционного общества в его нынешней полубольшевицко-клановой интерпретации, определяющие коррупцию не в ее западном, а в азиатско-советском исполнении.

Вряд ли стоило включать в общий список страны с тоталитарными режимами (КНР и Вьетнам). Страны с закрытым информационным пространством некорректно сравнивать с другими. Например, РФ с КНР с ее закрытыми для иностранцев районами и цензурой.

Но как бы то ни было, данные ТИ примерно соответствуют данным аналитических служб других организаций.

Помимо данных по СРК, в таблицу включены также данные фонда «Наследие» («Heritage») США по индексу экономической свободы ИЭС. Ниже я поясню, зачем это потребовалось.

Место по СРК	Страна	Степень по СРК	Место по ИЭС	ИЭС	Место по СРК	Страна	Степень по СРК	Место по ИЭС	ИЭС	Место по СРК	Страна	Степень по СРК	Место по ИЭС	ИЭС
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1	Финляндия	9.9	14	2,0	20	Германия	7.4	20	2,10	71	Казахстан	2.7	125	3,60
4	Сингапур	9.2	2	1,55	21	Япония	7.1	35	2,45	71	Узбекистан	2.7	148	4,35
6	Швеция	9.0	17	2,05	27	Китай (Тайвань)	5,9	29	2,35	75	Вьетнам	2.6	137	3,85
13	Англия	8.3	9	1,85	42	Южная Корея	4.2	38	2,50	83	Украина	2.1	137	3,85
14	Гонконг	7,9	1	1,35	57	Китай (КНР)	3.5	121	3,50	91	Бангладеш	0.4	131	3,70
16	США	7.6	4	1,80										

ИЭС, данные по которому приведены в столбцах 4 и 5, учитывает такие факторы, как правительственное вмешательство, монетарная политика, состояние банковско-финансовой области, защита прав собственности, налоги, таможенные пошлины и цены, законодательство и регламентация хозяйственной жизни, иностранные инвестиции. Исчисляется он по 5-балльной шкале. Чем ниже ИЭС – тем выше степень экономической свободы.

Как видно из таблицы, в основном, более высокая степень экономической свободы соответствует и более низкой степени коррупции. Отклонения здесь обусловлены особенностями экономической политики в разных странах. Например, в Скандинавских странах традиционно высокие налоги, что обуславливает их более низкие места по ИЭС. Из данных таблицы также следует, что и СРК и ИЭС зависят от уровня гражданских (но не всегда поли-

тических) свобод, определяющих прозрачность власти.

Комментируя данные ТИ и «Индема», многие российские СМИ пустились в пространные рассуждения о том, что «коррупция всегда была национальной болезнью России». Стоит разобраться с такими утверждениями.

ИЭС в СССР, как известно, был равен 5 баллам, т. е. экономическая свобода отсутствовала. Коррупция пронизывала советское общество. Место I секретаря райкома в Азербайджане стоило для беспартийного (!) – 140 т. руб. За операцию, сделанную покойной матери в 1977 г., я заплатил 400 руб. (примерно свою зарплату за 2 месяца). Во всю процветала коррупция по формуле «блат на блат».

Ныне ИЭС в РФ – 3,7 балла. Наша низкая экономическая свобода в баллах складывается из высоких уровней протекционизма (4) и инфляции (5), негодного экономического законодательства (4), плохого состояния банковско-фи-

нансовой сферы (4) и защиты прав собственности (4), чрезмерного развития черного рынка (4). Если мы сумеем снизить значение всех вышеперечисленных факторов, то коррупция уйдет из сферы предпринимательства. Тогда можно будет нормально финансировать здравоохранение (особенно, если коррупция снизится в страховой медицине) и образование, и взятки, этой своеобразной формы народного финансирования этих областей, не потребуются.

Что же касается коррупции в России исторической, то не буду приводить хрестоматийные примеры ее низкого

уровня. Лучше посмотрим, какова была степень экономической свободы в период думской монархии. Высока, но гораздо ниже нынешней, был лишь протекционизм, а все остальные показатели были гораздо ниже. Т. е. по ИЭС наша страна тогда была в верхней первой десятке стран мира, соответственно и низок был уровень коррупции.

Сегодня для оздоровления хозяйственной жизни РФ надо порвать с советским наследием всеобщей регламентации и несвободы и стремиться к степени экономической, достигнутой Россией в 1913 г.

Владимир Флеров

ВЫБОРЫ НА УКРАИНЕ

Прелюдия к очередным выборам в верховную раду проходила без значительных волнений и беспорядков. Шум из-за убийства журналиста Гонгадзе и компрометирующих президента звукозаписей, пошатнувшийся в 2000 г. государство, стал постепенно утихать. Инцидент со сбитым русским самолетом почти забылся. Жизненный уровень заметно поднялся.

Участвовали в выборах или влиятельные политики, или крупные богачи. Они не ставили политических целей, а стремились лишь попасть в раду, что привело к созданию неопределенных блоков, состоящих из разношерстных партий и людей с различными политическими взглядами. По мажоритарным спискам шли в основном назначенные правительством кандидаты. Результат выборов можно было предугадать...

Выборы прошли 31 марта, как и 4 года назад, по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе без особых эксцессов. Хотя по 7 одномандатным округам результаты еще не опубликованы, а в одном – признаны недействительными, общая картина уже ясна. В раду попали только 6 блоков, а именно: блок «Наша Украина» бывшего премьера В. Ющенко вышел на первое место с 23,5% голосов, за ним коммунисты П. Симоненко – 20%, блок «За единую Украину», возглавляемый В. Литвиным, – 12%, блок Юлии Тимошенко (БЮТ) – 7,3%, социалисты А.Мороза – 6,9%, СДПУ (объединенная) – партия олигархов В.Медведчука – 6,27%.

Места в раде распределились так: блок «Наша Украина» – 70, коммунисты – 59, блок «За Единую Украину» – 35, БЮТ – 22, социалисты Мороза – 20, СДПУ(о) – 19; а в сумме – 225 мест. Еще 225 мест достались кандидатам, победившим в мажоритарных округах.

Что можно ожидать дальше? Политические силы в новой раде уже начали переговоры о сотрудничестве будущих фракций и, в первую очередь, об утверждении премьер-министра и выборах спикера. Первое заседание ВР назначено на 15 мая. Главной силой в новой раде, скорей всего, станет «Наша Украина», объединяющая правые и националистические партии. Ее лидер В. Ющенко – умеренный националист, прозападный политик, женатый на американской подданной, будучи премьером, проводил успешно некоторые реформы, но был сброшен главным образом олигархами вопреки воле населения. Он постоянно заявлял о

поддержке Кучмы и может выступать скорее его конкурентом, чем врагом.

Компартия во главе с П. Симоненко стоит традиционно за союз Белоруссии, России и Украины и враждует с блоком «Наша Украина». Коммунисты отказались во время дела Гонгадзе и «кассетного скандала» от участия в акциях протеста и позволили Кучме удержаться у власти.

Блок «За единую Украину», называемый «За еду», включает в свой состав 19 партий и представляет интересы клана Кучмы и его олигархов. Цель блока – проташить Кучму на третий срок и оградить от ответственности за прошлые деяния. Возглавляет блок глава президентской администрации В. Литвин.

БЮТ занял только четвертое место, но его возглавила, благодаря организаторскому таланту, финансовым способностям и, не в последнюю очередь, женскому обаянию, получила ведущую роль в украинской политике и экономике. Последние годы Тимошенко подвергалась преследованию президентской администрации и теперь находится в жестокой оппозиции к Кучме.

Социалистическая партия Украины тоже оппозиционна президенту. Ее лидер А. Мороз раскрутил в свое время «кассетный скандал», опубликовав тайную запись разговоров Кучмы с его клеветами. СПУ стремится к изменению системы власти и отставке президента.

СДПУ(о) (объединенная социал-демократическая партия) киевских олигархов В. Медведчука и Г. Суркиса, прикрывающаяся социал-демократическими лозунгами и дружбой с Россией, еще в 1999 г. выдвинула Кучму на второе избрание и всесторонне его поддерживает.

Таким образом, из 6 блоков 4 будут, в основном, поддерживать президента, так же поведет себя и большая часть депутатов от мажоритарных округов. Потому бояться ответственности за содеянное Кучме не приходится, но на большинство в раде ему трудно рассчитывать.

Зато Ющенко, хотя и потеряет часть своих избирателей, имеет много шансов стать премьер-министром и управлять радой. Уже сейчас А. Мороз ведет с ним и с Ю. Тимошенко переговоры. Параллельно П. Симоненко тоже пытается договориться с ним, Ю. Тимошенко и В. Литвиным.

Что принесет самое ближайшее будущее, пока предвидеть весьма трудно.

Татьяна Говоренкова, Дмитрий Савин

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС И ЖИЛИЩНАЯ КООПЕРАЦИЯ – ОПЫТ РОССИИ*

ЧТО НЫНЕ?

Стали проявляться следствия политики, о которых предупреждали специалисты 20 гг. *Возникли устойчивая иждивенческая психология и стойкая иллюзорная уверенность в том, что жилье можно бесплатно получить и не нужно содержать, а централизованное управление привело к отсутствию лиц, заинтересованных в эксплуатации строений и их фактической бесхозности.*

Эти черты стали настолько привычными, что не замечаются и не обсуждаются сегодня в ходе проводимой властями т. н. «реформы жилищно-коммунального хозяйства». Единственная понятная тема этой «реформы» – повышение оплаты жилья. Поддержка инициатив граждан, декларируемая законами о кондоминиумах и товариществах собственников жилья, не осуществляется. В Москве после принятия законов в 1996 г. оформлено всего 466 ТСЖ (товариществ собственников жилья) и 132 кондоминиума, а управление ТСЖ осуществляется лишь в 172 домах при общем числе жилых зданий ок. 37.000. Напомним, что после принятия в 1922 г. декрета «О жилищных товариществах» в Москве к 1924 г. было образовано 9358, а к 1927 – 11200 товариществ при общем числе зданий 27000, а в 1927 предполагалось провести широкую кампанию по выкупу зданий в коллективную собственность жильцов.

Сегодня привычные иждивенческие традиции получать, а не зарабатывать жилье не обещают массового вступления в ТСЖ или иные формы совместного управления домами. А в период НЭПа товарищества стали антитезой кратковременному периоду «военного коммунизма» с его жилищными переделами, выселениями и уплотнениями. Желание человека получить устойчивый кров предполагало привлекательность предлагаемой организационной формы. Возможность получения жилья в собственность, пусть коллективную, была ясной перспективой для членства в арендной кооперации. Объяснялось это тем, что граждане в тот период еще сохранили навыки жизни в условиях многоукладной собственности, не утратили чувства самостоятельного хозяйствования.

Приватизация квартир, создав возможность передачи по наследству или продажи за реальные деньги, не позволяет оценить реальные преимущества домовладения как средства сохранения жилья и того, что существующее квартирновладение беззащитно и не зависит от квартирновладельца. По данным социологического опроса, в Москве только 1,5% жильцов муниципальных квартир,

9,8% квартирновладельцев и 4,5% работников ДЭЗов и ГРЭПов знают, что такое ТСЖ или кондоминиумы. Даже инициативная часть населения, активно ратующая за распространение ТСЖ, плохо различает собственность и форму управления, предлагаемую последним.

Практически не ведется и работа с такой привычной для наших сограждан формой управления домами, как жилищные и жилищно-строительные кооперативы. Большинство из них, в связи с обеднением членов и обесценением накопленных амортизационных платежей, вынуждены отказаться даже от той небольшой степени самостоятельности, которой пользовались в период застоя, встав на обслуживание в ДЭЗы. О кооперативах вспоминают в редкие периоды обостренного желания властей массового создания ТСЖ и кондоминиумов. Вместо того, чтобы заняться пропагандой идеи совместной эксплуатации жилья среди жителей муниципальных домов, власти предпочитают оказывать давление на жителей кооперативов, надеясь тем самым «улучшить отчетность».

Отличие от НЭПа кроется также в организации и в политике городской власти. Отстранение советских органов, «разгрузка» их от функций распределения и эксплуатации жилья, передаваемого коллективам жильцов дома, производилась декретами ГУКХ НКВД, стоящими над горсоветами. «Собственник» жилья – горсовет и законодатель принадлежали к разным уровням соподчиненной власти. Сегодня городская власть как собственник жилья и городская власть как законодатель на своей территории объединяются в одном лице. Естественно, что нормативные акты, принимаемые в этой ситуации, редко содержат даже незначительные ограничения своей собственности и тем более предоставление льгот тем, к кому эта собственность потенциально может перейти.

Один из важнейших сдерживающих факторов – вопрос о земельной собственности. Право частной собственности на землю не узаконено, что создает широкие возможности для власти управлять процессом изменения жилищных организаций в своих интересах. Напомним, что ограничение таких возможностей регулировалось в 20 гг законом «О праве застройки», который по содержанию был законом о строительстве и эксплуатации здания на чужой земле. Отсутствие такого закона сегодня приводит к бесплодным дискуссиям о наделении земель кондоминиумов и желании ТСЖ получить участки, сопряженные с жилым зданием. Это желание – следствие незащищенности ТСЖ от трудно планируемых затрат на аренду земли из-за отсутствия закона о праве застройки.

Увеличение налога на земельную собственность до нормальных размеров (что может произойти в бли-

* Окончание. Начало см. в «Посеве» № 5 за 2002 г.

жайшем будущем) поставит ТСЖ перед проблемой выплат на очень тяжелых условиях, и получение земли станет для них невыгодным. Невыгодно такое закрепление земли за зданием и для городской власти, что плохо осознается в связи с ее временностью (от выборов до выборов). Срок жизни здания, особенно в условиях неэффективной эксплуатации, значительно короче срока жизни земельного участка, на котором оно расположено, и будущие поколения муниципальных функционеров столкнутся с проблемой городского развития на земле, поделенной на крохотные наделы, не позволяющие принятия целесообразных перемен. Обратим внимание на одно обстоятельство. Хотя закон о праве застройки не относится напрямую к строительству, а лишь определяет регулирование отношений двух собственников, земельного и строений, он все же заключает формулу «право застройки», тогда как современные законы, начиная с сомнительного градостроительного кодекса, настаивают на «разрешении на строительство»¹.

В жилищной политике устойчиво сохраняются традиции распределения жилья и сугубо формальной его эксплуатации. При дефиците средств затраты на эксплуатацию и ремонты стремительно сокращаются, затраты на амортизацию жилых зданий практически ликвидированы, провоцируется разрушение жилого фонда. *Одновременно пропагандируется популистская идея повышения комфортности жилья и массового сноса пятиэтажек.* В обиход вошло презрительное слово «хрущоба», за которым обычно скрывается презрение к обитателям ее как к людям «не продвинутым», не овладевшим предоставленными нынешним временем возможностями по обогащению за счет своих ближних. Как бы ни была ограничена условиями своего времени жилищная политика начала 60-х, она привела к повышению жилищного стандарта, сделав квартиру на одну семью массовой. Среди «хрущовок» немало кооперативов, построенных и содержавшихся жителями за свои деньги. Переселение в «хрущовки» шло добровольно, потому что сопровождалось реальным улучшением жилищных условий, пусть и ценой переезда на окраины.

Мы не уверены, что таким же добрым словом поманут наши сограждане инициаторов современных планов «генеральных реконструкций», ограничивающихся на практике вытеснением недорогого жилья и его обитателей из престижных районов на окраины без всякой компенсации. Разговоры о массовых реконструкциях лишь порождают неуверенность, отбивают охоту хоть как-то заботиться о своем жилье, а у части населения, не потерявшей еще иллюзорных надежд, усиливают иждивенческие настроения. Такая политика ведет лишь к увеличению числа «очередников», усугубляя жилищный кризис. Мировой и отечественный опыт приоритета «сохранения жилья» перед новым его строительством в периоды обострения жилищной нужды в современной политике городских властей не признается. Советские традиции массового жилищного строительства продолжают сохранять приоритет в современной практике «реформы жилищно-коммунального хозяйства».

«Предтеча» советского градостроительства – дом Бассейнового товарищества, Санкт-Петербург, 1913 г.

Еще одно отличие от политики 20 гг – сохранение отдельного ведомственного управления жилыми и нежилыми помещениями единого здания, что также угрожает сбережению строения и ограничивает возможности хозяйственного ведения коллективных владений. Не поднимается вовсе и вопрос о реституции – возврате собственности потомкам подлинных владельцев зданий, отобранных советской властью, хотя даже в 20 гг частично он уже осуществлялся (актом о демунципализации). Наконец, вопрос о последующем выкупе зданий в коллективную собственность не ставится вовсе.

Т.о. ситуация 20-х отличается от современных действий городских властей *наличием особой жилищной политики.* Причем сегодня в этом скорее можно увидеть стремление охраны прав собственности городской власти.

Наконец, третье направление жилищной реформы 20 гг заключалось в том, что при жестком дефиците доходной части эксплуатации жилья внимание уделялось эффективности расходов. Это заставляло требовать специальной подготовки управляющих и децентрализации управления до масштабов одного строения (максимум нескольких тесно связанных строений). В таком требовании сопрягались хозяйственная целесообразность и наличие домовладельца, заинтересованного в сохранении собственности. В настоящее время сохранение системы централизованной эксплуатации зданий ведет к тому, что обслуживающие организации не имеют интересов в результатах своей деятельности и не располагают конкретной информацией о состоянии каждого здания.

Типичный пример московской городской застройки советского периода - дом на Шаболовке, 1927 г.

На международном семинаре «Создание кондоминиумов и жилищных товариществ в рамках осуществления жилищно-коммунальной реформы» в Москве (июль 1999 г.) было предложено специальное обучение управляющих домами и программа такого обучения. В основу ее был положен принцип согласования всех дисциплин, подчиненных единой цели профессиональной подготовки. Однако до сих пор никаких сдвигов по реализации этого предложения не имеется.

К сожалению, очередной этап «реформы жилищно-коммунального хозяйства», начавшийся в январе 2002г. в Москве, продолжил многолетнюю традицию и свелся опять исключительно к повышению цен на жилищные услуги. Результат – бедные не платят потому, что у них нет денег, а богатые – потому, что не платят бедные. Впрочем, приведет ли повышение цен к декларируемому результату – повышению качества услуг – неясно: в системе с монопольным предложением экономическое поведение весьма отличается от поведения в системе с конкуренцией, а обслуживание жилищной сферы в стране почти полностью монополизировано.

Кроме того, в Москве почти нет домовладельцев, а есть лишь квартирновладельцы – т. е. в системе хозяйственных отношений один из субъектов отсутствует. К сожалению, большое внимание, уделяемое развитию рыночных отношений, различным формам и способам их регулирования, сопровождается полным невниманием к воссозданию субъекта этих рыночных отношений, хозяйствующих субъектов (домашних хозяйств и предприятий). Господствует мнение, что субъект восстановится сам собой. Но после длительного периода единой общенародной собственности и планового хо-

зяйства надеяться на это трудно – нужны и благоприятные условия, и значительная помощь. Опыт России начала 20 гг XX в. показывает, что в условиях восстановления многоукладной экономики и рыночных отношений в жилищной сфере центр реформы – в восстановлении домовых хозяйств.

Подводя итог, остается дать только одну рекомендацию: *чтобы жилищная реформа в России стала успешной, необходимо спустить ее из заоблачных высот на грешную землю, не выдумывать отвлеченные подходы и механизмы, а воспользоваться богатым отечественным и зарубежным опытом. В отрыве от реальности, от «почвы», и заключается главная проблема из тех, что испытывает наша страна.*

Поэтому стоит посмотреть, могут ли оказаться успешными попытки реформирования сферы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), предпринимаемые в России.

О ВОЗМОЖНОСТИ РЕФОРМЫ ЖКХ

Очевидные неудачи не единожды декларированной реформы ЖКХ в России вызвали широкую критику ее основных положений. Заговорили, в частности, о преувеличении возможности монополизации обслуживания жилья: оно в большей части тяготеет к естественной монополии, что ставит под вопрос выявление рыноком оптимальной эффективной их цены. Особенно же открытое раздражение вызывает сведение реформы к переложению оплаты в полном объеме на плечи граждан, ставшее центральной (и откровенной!) ее целью.

Рассмотрим основания и теоретические предпосылки, положенные в основание реформ, основные причины их противоречивости и неэффективности. Они, в общем, сводятся к тому, что реформа, будучи декларативно рыночной, сохранила все существенные черты советского реформирования, проводимого в иных экономических и социальных условиях.

Советская экономическая система представляла собой единое общегосударственное хозяйство с управлением из единственного законодательного и распорядительного центра, опирающегося на единую общегосударственную собственность. Все органы системы, как бы они ни назывались, относились к исполнительным (в том числе и советы всех уровней). Все составляющие единого народнохозяйственного комплекса, включая и предприятия, и административные единицы (республики, области, края и города), были не чем иным, как цехами этого единого хозяйства, не обладавшими ни малейшей самостоятельностью. Сведение воедино всей социально-экономической деятельности страны осуществлялось механизмом единого плана. Центр определял эту деятельность до мельчайших деталей, вплоть до утверждения рецептуры кондитерских изделий, производимых отдельными предприятиями!

Важнейшая черта советской системы – отраслевая организация, при которой множество отраслевых вертикалей замыкается на одном из ведомств центра. Координация вертикалей и разрешение конфликтов формально производятся лишь центром и не осуществляются на нижележащих уровнях.

Совершенно иные основания для организации хозяйственных систем в странах с многоукладной собственностью и рыночными отношениями. Множество самостоятельно существующих хозяйств (в том числе хозяйств государственных, хозяйств самоуправлений, основанных на муниципальной собственности, и независимых частных и смешанных хозяйств) сами в рамках законов разрабатывают и реализуют свои планы. В такой системе государство владеет, пользуется и распоряжается только той собственностью, которая ему принадлежит, а в отношении собственности других физических и юридических лиц ограничивается принятием законов и иных нормативных актов, регулирующих общие правила гражданского оборота. Координация деятельности отдельных хозяйств осуществляется в основном рыночными механизмами (не исключая в отдельных случаях применения и административных механизмов, если они предусмотрены законодательством). Такая система при правильной организации также внутренне непротиворечива и предоставляет необходимые средства для разрешения возникающих в ее рамках конфликтов.

Сочетание советской и рыночной систем невозможно! В рамках каждой – свои способы разрешения конфликтов, но способы эти различны и противоположны. «Система», пытающаяся сохранить свойства обеих систем, – *крайне неустойчива* и стремится перейти в одно из «чистых» состояний.

К какой же из двух систем принадлежит термин *«реформа жилищно-коммунального хозяйства»*?

Бросается в глаза *единственное число в слове «хозяйство»*. Наличие единственного хозяйства – признак советской системы. Само слово «хозяйство» указывает на принадлежность идеологии реформы советскому пониманию.

Сложно поверить, что *«жилищно-коммунальное хозяйство»* – рудимент советского периода. Но это так. Если расчленить эту пару слов и пристальнее обратиться к слову *«коммунальный»*, обнаружится, что и в зарубежных и в отечественных работах (до 1930 г.) термин *«коммунальный»* означает вовсе не определенный набор услуг – в виде водопровода, канализации, жилья и банно-прачечных предприятий или засева газона травой. Этот термин означает *«находящийся в ведении коммуны или принадлежащий коммуне»*, а коммуна в данном случае – организованное территориальное сообщество граждан – то, что в современной России обозначено терминами «местное самоуправление» или «муниципалитет» («муниципальный» и «коммунальный» в этом смысле синонимы).

В ведении «коммуны» находится достаточно большое число дел для самостоятельного разрешения; водопровод, канализация и газоны среди них занимают далеко не первое место. Среди полномочий часто фигурируют народное здравие, просвещение, социальное признание, содействие развитию промышленной и торговой деятельности, обеспечение продовольствием. Для выполнения предоставленных полномочий «коммуны» обладали как правом принимать обязательные постановления, регулирующие совокупность деятельности в

пределах своих границ, так и приобретать и использовать имущество, именуемое коммунальным (или муниципальным) в целях получения дохода или пользы для сообщества.

Причина того, что почти все государства мира рано или поздно согласились с тем, что гражданские сообщества взяли на себя *большую* часть ранее государственных полномочий, заключается в том, что «коммуна» наиболее близка к тому месту, где протекает жизнь людей, и может решать многие задачи лучше, чем государство. В большинстве стран постепенно сложилось разделение прав и обязанностей между государством и местным самоуправлением.

Как мы уже писали в статье, посвященной проблемам последнего, в дореволюционной России начало развитию полноправных «коммун» положили земская и городская реформы середины XIX в. Результатом их стало то, что уже в начале XX в. русские самоуправления имели высокую оценку европейских специалистов. «Военный коммунизм» первых лет советской власти за короткое время привел к полному параличу хозяйственной и социальной жизни страны, вынудив правящую партию пойти на компромисс – ввести в стране НЭП, связанный с допущением самостоятельной хозяйственной деятельности граждан и восстановленных специфических самоуправлений в лице «коммунального хозяйства». Несмотря на ограниченность хозяйственных прав, они позволили преодолеть разруху и наладить подобие нормальной жизни.

Курс на сворачивание НЭПа и построение единой централизованной системы хозяйствования 1927-28 гг. привел к разрушению остатков самоуправления. Но функции его надо было в какой-то мере возложить на другие органы. Поскольку единственный способ организации единого централизованного хозяйства – отраслевой, то произошло *разделение функций коммунального (муниципального) хозяйства между центральными ведомствами, построенными по отраслевому принципу*. Одним из них стал созданный в 1930 г. наркомат коммунального хозяйства, с 1943 г. разделенный на два ведомства – коммунальное и строительное. За коммунальным закрепляется оперативная эксплуатация жилья, банно-прачечных комбинатов, гостиниц и эксплуатация технических систем, производящих услуги водоснабжения, очистки, энергоснабжения. Остальные вопросы, входившие в компетенцию «коммун», разделяются между ведомствами и не согласуются на местах.

Сочетание «жилищно-коммунальная реформа», выдавая свою принадлежность к советской системе, во многом объясняет, почему она сталкивается с множеством трудностей в обществе с объявленной многоукладной экономикой, на возвращение которой претендует в настоящее время Россия.

Но разве так уж важно, как называется то или иное мероприятие? Главное, чтобы смысл его был правильным! Дефектные названия, конечно, не искажают содержание мероприятий, зато отражают их истинный смысл!

Укажем на некоторые черты «реформы» ЖКХ, подтверждающие их несомненный советизм.

Централизованность реформы, объявленной государством (хотя, согласно закону о местном самоуправлении, вопрос жилья находится в ведении муниципалитетов), подкрепляется истинно советскими указаниями дат ее окончания (на рынке подобные временные рубежи не существуют, поскольку рынок непрерывен), единых по всей стране и привязанных к конкретной дате. Предусмотрены чисто исполнительные функции для всех прочих субъектов многоукладной экономики, характерные для централизованного хозяйства.

Отраслевой характер проведения реформы отражен возложением ее руководства на строительное ведомство, и единственный «оптимистический» рапорт о ходе реформы – информация о вводе в строй новой жилплощади. Между тем вопрос о единице измерения результатов хода реформ вовсе не праздный. Измерение жилья в квадратных метрах, игнорирующее его качество и физическое состояние, – наследие распределительной советской функции. В странах с многоукладной экономикой жилье оценивается в единицах его стоимости, рассматривается как капитал, способный приносить доход и пользу. При такой оценке жилья в подходе к решению жилищного кризиса на первое место выходит стремление не утратить имеющийся капитал – *сохранить* существующий жилой фонд – проблемы ремонта, амортизации и грамотной эксплуатации. На второе место выходит проблема *восстановления* жилья с максимальным использованием имеющихся возможностей и компенсацией его недостатков нестроительными мерами, часто социальными или лежащими в смежных сферах жизнедеятельности. И лишь на третьем месте (по мере формирования дополнительных капиталов) стоит *строительство*.

¹ Авторы выступают, по сути дела, за т. н. скандинавский подход к собственности на землю в городах. При нем земля, оставаясь в городской собственности, сдается в аренду застройщикам. Следует отметить, что подобный подход имеет существенные недостатки.

«1) Будучи сегодня монопольным владельцем застроенной земли, город лишен возможности знать реальную, рыночную цену каждого участка, а следовательно, и возможности установить арендную плату, которая не будет произвольной: завышенной или заниженной. Единственный способ установить ее для отдельных участков – это аукцион, на котором состязаются несколько потенциальных арендаторов, и получает участок тот, кто готов платить самую высокую цену, исполняя при этом различные условия, оговоренные в договоре об аренде. Но этот способ применим только для немногих, ключевых участков, за которые готовы состязаться многие арендаторы. Такого рода состязательные торги за аренду у города отдельных стратегически расположенных участков практикуются и в США, но представляют собой исключение. Если же речь идет не о нескольких, а о многих сотнях тысяч земельных участков в городах современной России, то никак невозможно себе представить, откуда возьмется достаточное число участников таких торгов. Между тем рынок приватизированных квартир и конторских помещений (равно как и пригородных земельных участков) уже успел ... достаточно развиться, чтобы топография цен на нем стала вполне предсказуемой. Чисто арифметически, когда есть множество потенциальных продавцов-покупателей, то и состязательных рыночных сделок между ними возникает несравненно больше, чем если один монополист-продавец объявит продажу (в данном случае сдачу в аренду) всех своих участков. А для выяснения рыночной цены важно именно множество состязательных сделок. Потому можно предвидеть, что более или менее автоматическая приватизация земли под приватизиро-

При такой последовательности приоритетов в решении жилищной проблемы становится очевидным, что для сохранения жилья необходима забота об объектах, возможных к сохранению. Это не квартиры, зависящие от состояния здания. *Бесхозность* строения при широкой приватизации квартир грозит его разрушением. Если дом не будет иметь владельца, он развалится вопреки евроремонтам в отдельных квартирах. К сожалению, *восстановление домовладельцев*, как одно из важнейших направлений разрешения жилищного кризиса, ныне в России не обсуждается.

В условиях жилищных кризисов в большинстве стран принимались специальные *законы, запрещающие и ограничивающие разрушение жилья*, годного к временной или ограниченной эксплуатации. Разрекламированный массовый снос пятиэтажек относится к советским рудиментам сознания. Сносить их недопустимо – снести можно лишь здания при очевидной доказательности их непригодности или опасности.

В концепции нынешней реформы ЖКХ не приводятся конкретные данные о реальном состоянии проблемы и не ставятся задачи улучшения жизни граждан. *Единственное просматриваемое направление – изменить систему оплаты жилья, переложив ее на плечи низко платежеспособного населения.*

Таким образом, можно смело прогнозировать предстоящий *провал задуманных мер по реформированию ЖКХ*. Точнее говоря, какие-то изменения осуществлены будут – изменения, оплаченные по полной программе гражданами. Лучше жить от этого люди не станут. Реформа, как и при советах, проводится ради самой себя, а не ради людей!..

ванными зданиями создаст и активный рынок на землю. Тогда, в соответствии с выяснившимися ценами на землю, можно будет установить и налог на землю, который не будет произвольным, а будет соответствовать реалиям рынка. И город, не обманывая ни себя, ни землевладельцев, сможет получать свою долю земельной ренты.

2) В отсутствие активного рынка на землю невозможно избежать произвольных, а следовательно, экономически вредных (уменьшающих общее благосостояние) цен на землю – в данном случае ставок арендной платы. Последние могут принимать самые невероятные формы, от цифр, взятых просто «с потолка», до таких примерно «решений»: поскольку, мол, цена на землю отражает ту прибыль, которую эта земля может дать, и поскольку в каких-то странах стоимость земли составляет до 20% национального достояния, то 20% от прибыли каждого предприятия и будет его арендной платой за землю. Не трудно догадаться, что в таком случае земельный налог подменяется налогом на прибыль, то есть именно тем, против чего восставал Генри Джордж и его последователи – сторонники единого налога на землю, на которых сегодня ссылаются адепты аренды.

Но приведенный пример отражает тот факт, что в условиях инфляции и даже просто меняющихся цен ни арендная плата, ни налог на землю не могут быть выражены в постоянных денежных величинах. В договорах об аренде может, конечно, быть обусловлена индексация арендной платы, но вопрос – в соответствии с чем? Цены на землю не обязательно шагают в ногу с потребительскими ценами. А если нет рынка на землю – то в соответствии с какими ценами? Оставлять индексацию на произвол городских властей вряд ли уважающий себя арендатор согласится. В теории можно себе представить краткосрочную аренду и периодические аукционы всей земли, скажем, каждые

4 года. Но на деле, помимо административных трудностей, такие периодические аукционы лишат арендаторов уверенности в будущем, от которой зависят капиталовложения. Можно себе представить и статистическое вычисление вмененной стоимости земли, исходя из рынка на квартиры и нежилые помещения. Но если фактическим собственником земли останется город, то такая оценка будет неполной.

В практике же налогов на недвижимость есть устоявшаяся система реакции на меняющиеся цены. Процентные ставки налога определяет городская дума или соответствующее ей местное законодательное учреждение. В практике США ежегодный налог на недвижимость составляет около 1% ее фактической рыночной цены, но бывает и ниже, и выше. И существует профессия оценщиков недвижимости. Возникла она ... и в России. Оценщиков могут нанимать как частные лица, так и городские власти. Последние у них периодически заказывают переоценку недвижимой собственности, находящейся в частном владении. Переоценка делается на основании статистических моделей, в которые оценщик вносит новейшие данные о состоянии недвижимости и продажных ценах на нее. Она может делаться ежегодно, если цены быстро меняются, реже – если они устойчивы. На основании этой переоценки город пишет собственникам: стоимость вашей недвижимости поднялась (или упала); потому, при сохранении прежней налоговой ставки, одобренной городской думой, в будущем году ваш налог на недвижимость будет не таким-то, а таким-то. Если вы возражаете, можете апеллировать в городскую комиссию по переоценке. Если у собственника есть достаточно оснований оспорить решение, он их представит ко-

миссии лично или наймет адвоката. Наиболее надежным основанием для пересмотра решения служат недавние продажные цены другой недвижимости, по своим характеристикам подобной той, о которой идет спор, или фактические ошибки в оценке. Конечно, все эти процедуры не застрахованы от злоупотреблений, но, во всяком случае, наличие независимого от городских властей рынка недвижимости скорее приблизит выплаты городу к реальности, чем арендная плата владельцу-монополисту.

3) Приведенные соображения поднимают более широкий вопрос о правах собственности. Пока что в России права собственности слабо защищены, но, во всяком случае, есть ... основания считать, что они более надежны, чем арендно-договорные отношения с городом. Конечно, можно себе представить арендный договор на 99 лет с полными правами субаренды и продажи прав субаренды, с компенсацией арендодателем в случае нарушений условий аренды, с тщательно оговоренными условиями изменений арендной платы и т. д., который по своему содержанию мало чем будет отличаться от права собственности. Но в условиях нынешней юридической неустроенности и многочисленных лазеек для злоупотреблений простое право собственности на землю под собственным зданием представляется владельцу недвижимости и проще, и надежней. И с точки зрения города, оно административно значительно проще, требует меньше квалифицированного труда, что при дефиците юридически, бухгалтерски и экономически подготовленных кадров – немаловажно». (Пушкарев Б.С. Россия и опыт Запада. М., Посев, 1995, с. 160-162).

Редакция.

*Андрей Буровский**

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД НТС

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется.
А.С. Пушкин*

– Вы из НТС?!
И в глазах моего собеседника, до тех пор вежливо-равнодушного, вспыхивает вдруг огонек самого живого, непосредственного интереса.

– Из НТС.

– Того самого?!

– А что, есть разные? Много всяких НТС?

– Нет-нет... Я просто не ждал... НТС – это из какой-то другой жизни.

И собеседник улыбается так, что сразу видно: он мысленно уже погрузился в «другую жизнь». В канувшую в небытие эпоху борьбы с коммунизмом, общей для поляков и для русских. Романтическую эпоху, которая так много сулила.

– Для вас так много значил тогда НТС?

– Конечно... «Посев» тогда заходил даже дальше, чем многие антикоммунисты у нас. Многие наши антикоммунисты были членами ПОРП¹, испытали искушение коммунистической идеологией. А «Посев»... «Посев»,

книги вашего издательства – это другое, это было как из другого мира... Как если бы сейчас, сегодня, на свете была бы Белая армия.

– Вы что-то использовали из «Посева»?

– Заимствовали много материалов... Но не в том дело, в парижской «Культуре²» шли материалы не хуже. Но стоило взять в руки «Посев», и становилось видно, что русские....

Мой собеседник, известный польский антикоммунист, как будто поперхнулся, и приходится мне закончить за него:

– ... Что не все русские – враги Польши и рьяные коммунисты.

Собеседник усмехается еще раз и кивает.

Так мы беседуем посреди Кракова, в обстановке совершенно идиллической – маленький уютный кабачок, портрет Франца-Иосифа, тихая музыка, обязательная свеча на столе, много вкусной закуски к вину.

В Польше вообще много похоже на Россию: и плохое, и хорошее. Такое же разгильдяйство и такое же до-

* Андрей Михайлович Буровский, председатель Красноярской группы НТС, доктор биологических наук, профессор, писатель и публицист в жанре документально-исторической прозы, автор нескольких книг о путях исторического развития России.

¹Польская Объединенная Рабочая Партия – польский аналог КПСС.

²Журнал, издававшийся политическими эмигрантами Ежи Гедройцем и Ежи Помяновским в Париже. Кстати говоря, «Культура» всегда была очень толерантна к русским, в отличие от многих польских изданий, и поддерживала линию добрососедских польско-русских отношений.

бродушие, такие же «добрые бабы» (цитирую поляков, не более) и такие же антисемитские брошюры. До смешного тот же самый славянский до мозга костей мир! И антикоммунизм в Польше совсем не такой, как в Европе. Вот в Эстонии он такой же, как в Германии – отстраненный, с оттенком отвращения. Причем отвращения не только к самому коммунизму, но и к тем, кто принес его в Эстонию на штыках.

В Польше есть и такая линия в общественной жизни, где коммунизм выдается за откровение русской души, а поляки предстают невинными жертвами агрессии. Но преобладает другая тенденция, в которой коммунизм видится как глубоко «свое» отклонение и извращение. Что-то такое, что надо преодолеть внутри самой страны, а не просто «оказать сопротивление».

В Польше еще одно «как у нас» – сильнейший разрыв между поколениями. Те, кто стали взрослыми после 1991 г., сильно отличаются от «стариков», в том числе и равнодушием к любой вообще идеологии. Это приятные, умные юноши и девушки, но разговор с ними порой напоминает беседу с инопланетянином: какой-то совершенно другой мир с непостижимой системой ценностей и столь же непонятными, «инопланетными» отношениями между людьми. Эти милейшие ребята и не слышали о существовании НТС, журналов «Посев» и «Грани». Даже реалии II мировой войны им как-то не очень известны, вплоть до спора – кто на кого напал, Германия на СССР или наоборот. Или это уже влияние книг Суворова?

Реалии гражданской войны? Подумаешь, какие-то дикарские выходки русских... Вечно они режут друг друга и всех окружающих... Всех, кто только попадет под руку. Впрочем, не они же, не эти юноши, придумали называть советско-польскую войну 1920 г. «русско-польской» и не они говорили о событиях 1944 г.: «*Русская* армия остановилась, чтобы немецкая нас истребила».

Это поколение мало знает историю. Порой они не очень представляют себе мир, в котором жили еще их папы и мамы. Обидно, но может быть, ради этого и шли в бой жившие раньше? Даже нашему поколению – тем, кому между 40 и 50, кое-что досталось немного, по мелочам: кому испортили карьеру, кому дали по морде, у кого до полусмерти напугали жену. Всего-то навсего!

Мы не застали, на свое счастье, реалий, встающих со страниц «Предателя» Романа Редлиха, статей Поремского, книги Хохлова. Не буду лицемерить – да, на свое счастье. Кошмар эпохи, когда трупы не успевали хоронить, а ангелы не успевали принимать души новомучеников века того, просвистел над нами. Просвистел, как огненный шквал над сидящими в теплом уюте блиндажа, с наполненными фляжками и раскрытыми банками консервов.

Но и у нас есть много причин хорошо помнить мир, из которого мы пришли в этот не лишенный проблем, но куда более добрый и разумный. «Дефицит», «слежка», «прослушивание», «диссидент» – вот слова из мира того, и они так же обычны для СССР времен Брежневых, как «колбаса» или «получить квартиру». «НТС»,

«Посев» входили в число слов, произносимых в той, ушедшей, жизни.

В Польше «стариками», старшие поколения, помнят те же самые слова. Те, кто сидел в лагерях во времена Ярузельского, кто вез «Культуру» и «Посев» из-за границы под грязными рубашками, отличаются от «молодых» не только знанием истории. Мы жили в другом мире, по совершенно другим, уже и нам самим не очень понятным законам. Мы жили в том, другом, но изо всех сил приближали этот мир – мир, который вокруг нас сегодня. Мир, в котором можно не знать, кто такой «вертухай», что такое «дефицит» и почему не следует произносить слово НТС в комнате, где стоит включенный телефон. Можно не знать и НТС.

В том идиллическом краковском кабачке я подозвал официанта – совсем молодого, веселого.

– У пана нет журнала «Культура»?

– Простите... А это что за журнал?

Сообразив, что я же иностранец, парень деловито уточняет:

– Он на каком языке?

С невыразимым выражением смотрел пан Марек, старый диссидент и политзаключенный, на порождение новой эпохи.

– А НТС вы знаете? Слыхали о журнале «Посев»?

Парень улыбается, мотает головой. Чего хочет от него не очень вменяемый русский?! Еще укусит...

– Вот ради таких мы и приближали этот день. Верно?

– И для таких то же...

– Пан никогда не жалеет, что воевал с советской властью? Может, не стоило трудиться?

– Стоило! – заявляет пан Марек. Он говорит очень уверенно, решительно качая головой. – И знаете, почему? Я вам наглядно объясню. Даже... Я хотел сказать, вам сразу же станет понятно.

Видите, парень спрашивает, на каком языке этот журнал... Он допускает, что можно взять и принести вам журнал на иностранном языке. Он даже не спрашивает, имеете ли вы право читать такой журнал и не провокатор ли вы.

Если бы мы не боролись, если бы не было «Культуры» и «Посева», то и мы бы с вами тут не сидели. Понятно? Вы торчали бы в своей Сибири, а я – в лагере. И читали бы вы не «Посев», а «Красноярский рабочий» и какой-нибудь «Сибирский комсомолец», а этот парень читал бы «Жиче Варшавы» про то, какую чушь намолот какой-то партийный бонза и сколько дерьма от каждой коровы получил какой-то передовик производства... Нет, «Посев» – это было правильно... это было хорошо... Понятно?!

Не могу не признать – он прав тысячу раз, мой собеседник. Ох как прав!

– Получается, «Посев» оставил в Польше свой след.

– Еще какой! В нашей свободе есть камешек, заложенный и НТС.

Собеседник поднимает к глазам рубиновый бокал, смотрит на меня сквозь вино. Мы пьем терпкую вкусную жидкость, глядя друг на друга и слушая шум площади Рынок. А ведь и правда – кончилась эпоха... Что при всех издержках все же к лучшему.

Позиция

*Андрей Деркач**

АТАКУЕМЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

«НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК» УГРОЖАЕТ ВСЕЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Понятие национального суверенитета с начала исторического развития было основой существования народов и государств, фундаментом, на котором выстраивались межгосударственные отношения. Фундамент представлялся незыблемым, но уже во второй половине XX в. наметилась тенденция противопоставления национальному суверенитету абстрактных понятий глобалистского направления, фактически полностью его отрицающих. Процесс становился все более интенсивным, но одновременно набирала силу и противоположная позиция, направленная на возвращение к традиционным ценностям. Не вызывает сомнения, что победившая идеология определит направление развития всего человечества и геополитическую расстановку сил.

Национальный суверенитет стал основой существования государств не потому, что был сакральной «священной короной», его содержание определялось защитой национально-государственных интересов. Этим объясняется ожесточенность, с которой отражались все посягательства на национальный суверенитет. Существовало понимание, что уступка в этом вопросе имела бы следствием начало распада государства, отмену де-факто всей правовой системы, на которой оно основывается, и комплекса международных соглашений, определяющих его положение во внешнем мире.

Знаковой была ситуация в дни перед началом I мировой войны. Сербия согласилась на самые тяжелые пункты австро-венгерского ультиматума, выдвинутого после убийства в Сараево, кроме одного. В нем содержалось условие проведения следствия на сербской территории властями Австро-Венгрии на основании ее законов, которые бы тогда автоматически распространялись на всех граждан Сербского Королевства. Неприятие всех пунктов ультиматума означало немедленную войну.

С другой стороны, принятие этого условия привело бы к тому же результату, но уже с существенным отличием. Следственная группа была заведомо ангажирована, а признание правомочности нарушающего суверенитет Сербии иностранного следствия лишало возможности обращения к другим державам за помощью против агрессии. История показала, что выбор сербского руководства был правильным.

Иной выбор сделало чехословацкое правительство в 1938 г. Прага согласилась на «международное посред-

ничество» в судетском вопросе, что было несовместимо с ее национальным суверенитетом. Итог закономерен. Морально обессиленная и лишенная правовых основ для сопротивления, Чехословакия капитулировала. И хотя она и обладала одной из наиболее сильных армий в Европе, но вооруженные силы не понадобились правительству, пошедшему на государственное самоубийство.

При этом необходимо отметить следующую закономерность: государство, ставшее на путь отказа от национального суверенитета хотя бы в одном вопросе, вынуждено пройти его до конца. Формы могут быть разными, но сама закономерность остается неизменной. Хрестоматийный пример того же судетского кризиса. III рейх не остановился на аннексии Судетской области, расколе оставшейся территории и установлении марионеточного режима. Через несколько месяцев Чехословакия уже де-юре превратилась из субъекта международного права в германский протекторат. Сколько-нибудь серьезной международной реакции это не вызвало – Чехословакию уже перестали рассматривать в качестве суверенного государства.

В целом, доктрина ограничения национального суверенитета была инструментом внешней политики государств, проводивших агрессивный, или, формулируя ту же дефиницию в несколько сглаженной форме, «наступательный» международный курс.

В разных интерпретациях ее провозгласили в послевоенном мире СССР и США. Международный отдел ЦК выдвинул тезис об «ограниченном суверенитете» в социалистическом лагере, что предоставляло возможность оказания в кризисных ситуациях «интернациональной помощи».

Американская доктрина, в отличие от советской, не ограничивалась локальным кругом союзных стран. Провозгласив западные ценности универсальными и общеобязательными, она объективно приобрела глобальный характер.

В какой-то мере существованием одинаковых, хотя и с различными идеологическими обоснованиями, международных доктрин США и СССР ограничивалась сфера их практического применения. Идеологизированная внешняя политика сверхдержав, не признававшая национального суверенитета в собственной сфере влияния, активно выступала против аналогичных действий противника. Установилось определенное равновесие, дававшее возможность третьим странам сохранять национальный суверенитет.

* Председатель межфракционного объединения народных депутатов Украины «В Европу – вместе с Россией».

С крушением биполярного баланса американский подход к вопросу о национальном суверенитете стал абсолютной доминантой. Это почувствовали на себе в той или иной степени все государства. Наиболее последовательно данная линия выстраивалась клинтоновской администрацией, все больше уходившей от защиты собственно национальных интересов США к некоей иллюзорной схеме, выгодной лишь непомерно разросшемуся классу международных бюрократов.

Республиканцы, всегда более трезво смотревшие на внешнюю политику, пытаются отойти от дискредитировавших себя схем времен правления демократической партии. Однако сделать это крайне сложно – слишком глубоки метастазы глобалистского нигилизма в американском политическом истеблишменте.

Например, хотя в Белом доме явно понимают абсурдность идеи международного трибунала по бывшей Югославии, но уже не могут отказаться от данного прецедентного процесса. В перспективе это может стать весьма серьезной угрозой не только для других государств, но и для Вашингтона – принципиальное отрицание национального суверенитета, следовательно, национальной юрисдикции, чревато в дальнейшем непредсказуемыми последствиями.

В будущем любой неугодный лидер любого иностранного государства может быть экстрадирован и передан внациональной судебной инстанции, не имеющей легитимных прав. Таким образом, нарушается как буква, так и дух всей системы международного права.

Проводимые параллели с Нюрнбергским и Токийским процессами, а также с судебным преследованием Аугусто Пиночета безосновательны, и в связи с этим можно отметить несколько ключевых моментов. Нюрнбергский и Токийский процессы стали результатом межгосударственных соглашений, на них были осуждены лидеры государств, виновные в агрессии против стран, подписавших данные соглашения, в убийствах и преследованиях граждан этих стран. Это полностью соответствует всем нормам международного права, предусматривающего ответственность за агрессию и военные преступления.

Также неубедителен пример с экс-президентом Чили. Он формально обвинялся, прежде всего, в связи с исчезновениями и убийствами в Чили граждан ряда иностранных государств в период его правления, а также с преступлениями, совершенными сотрудниками чилийских спецслужб за рубежом. Т. о., обвинения носили исключительно криминальный, а не политический характер.

Преследование Милошевича, наоборот, имеет откровенно политический характер. Против президента независимого государства США и их союзники выдвигают обвинения в связи с событиями на территории третьих суверенных государств. При этом неясно, на основании каких правовых норм это происходит, но от-

кровенно игнорируется национальный суверенитет Югославии. Перед этим тот же Клинтон проводил с ее президентом официальные переговоры, подписывал Дейтонские соглашения, и на государственном уровне тогда никаких обвинений не предъявлялось. Таким образом, по мнению гаагских прокуроров, бывший американский президент должен быть обвинен в потворстве преступным действиям.

Несомненно, Гаагский трибунал был создан не только и не столько для Слободана Милошевича. Его деятельность показывает, какое будущее ожидает неугодные страны, препятствующие геополитическому диктату. Именно страны, а не только их лидеры: характерно, что процесс принимает все более антисербский характер, что отметил даже Воислав Коштуница, критически относящийся к своему предшественнику.

Вопрос заключается не в отдельных личностях или даже государствах, а в дальнейшем направлении развития на основе традиционных ценностей, ключевым элементом которых выступает полнота национального суверенитета или установления «нового миропорядка», в котором народы и созданные ими государства не обладают полнотой прав, а их судьба определяется извне.

«Новый миропорядок» не ограничится внешнеполитическими отношениями, фактическая отмена национального суверенитета затронет, прежде всего, внутреннюю жизнь и самостоятельное развитие. Это неминуемо сделает недействующими все демократические институты законодательной, исполнительной и судебной власти. Их решения и действия не будут полноценными и ответственными, учитывая, что они могут быть изменены силами внешнего воздействия.

В не меньшей мере окажется затронута и сфера негосударственной жизни, функционирование гражданского общества в целом. Объективно воля населения, выражаемая в процессе выборов, будет ограничена тем же внешним воздействием. В этих условиях демократические ценности приобретают декларативно-ритуальный характер, а возможности общественного влияния на государство сводятся к нулю.

Таким образом, процесс «направляемой десоверенизации» приводит не к глобальной демократии, а к глобальной диктатуре с тоталитарными чертами, которые прослеживаются во всех идеологических диктатурах прошлого, отрицавших права человека, общества и государства ради демагогических построений.

Будущее человечества, государств, проводящих самостоятельную политику, зависит от сегодняшних действий – капитуляции (подобно мюнхенской) или отстаивания своего национального суверенитета всеми способами, предусмотренными международным правом. Выбор предельно прост – тоталитарный «новый миропорядок» или просто порядок, основанный на международном праве и национальном суверенитете.

WWW.PVR.RU

Это адрес в интернете страницы «Комитета за правопреемственность и возрождение России». Всем интересующимся судьбами нашей страны советуем посетить эту страницу.

От редакции. Автор публикуемой ниже статьи-письма – профессор Мирон Амусья – питерский физик-теоретик, в последние годы работает в Иерусалиме. Он – всемирно известный ученый, лауреат престижной международной премии А. Гумбольдта, два месяца назад без колебаний продлил контракт и вернулся в Израиль, прекрасно понимая, что едет на войну... Суждения профессора не претендуют на объективность, однако твердая и честная позиция знаменитого ученого заслуживает того, чтобы быть услышанной. Кстати, нынешнее обострение палестинско-израильского конфликта удивительным образом совпало с началом международной военно-политической кампании по борьбе с международным терроризмом, что наводит на мысль о координации действий исламистских террористов в глобальном масштабе....

Эта статья написана на английском языке. Перевел ее и подготовил к печати автор «Посева» А.П. Пуговкин.

Мирон Амусья

ИХ МОЖНО ТОЛЬКО ПОБЕДИТЬ!

*Это – где-то там, у Тобрука,
Это – где-то здесь, за углом...*

А.А. Ахматова

Шведские, датские, французские министры, генсек ООН Кофи Анан и Бог знает кто еще хором осуждают Израиль, требуя немедленного вывода войск из палестинских лагерей, прекращения «неадекватного применения силы» и «возвращения за стол переговоров», «немедленного освобождения Я. Арафата, изолированного в Рамаллахе». Каждый иностранный представитель, включая печально известного Х. Солану, спешит присоединиться к этому хору. Выглядит это так, словно Израиль нападает на палестинцев. Словно Израиль превратил атаки террористов-самоубийц против мирных жителей в заурядные мероприятия. Словно израильтяне, а не палестинцы, культивируют фанатичную ненависть по отношению к соседям. Словно мир сошел с ума... Интересно, как они представляют себе «стол переговоров» между убийцами и жертвами. И может ли быть «неадекватным» применение силы для защиты посетителей кафе или пиццерии от монстров, одержимых ненавистью и жаждой убийства? Чтобы уверовать в такой абсурд, надо быть политиком, озабоченным грядущими выборами в странах, где численность мусульманских избирателей выше, чем еврейских. Или быть прямо или косвенно подкупленным, с мозгами, жирно смазанными арабской нефтью.

Этот осуждающий хор мы уже однажды слышали. Помните, что творилось, когда в 1981 г. израильтяне разбомбили иракский ядерный реактор? Кому, интересно, было бы лучше, окажись сейчас в распоряжении Саддама ядерное оружие?

Двойные стандарты в международной политике – дело не новое. Хорошим принято считать то, что способно принести выгоду. Естественно, что Колину Пауэллу и Игорю Иванову удобно не замечать прямого родства между тем, что происходит в Афганистане, Чечне и здесь, в Израиле. Это дает возможность с гордостью сообщать об успешных бомбардировках, лишивших жизни сотен талибов и боевиков Аль-Кайды, и одновременно осуждать Израиль за уничтожение двух или трех десятков террористов из организаций «Танзим» или «Хамас».

Я пишу это письмо на следующий день после того, как безумный мальчишка взорвал себя в Иерусалиме, прихватив на тот свет девять безвинных юных жизней и ранив еще пятьдесят человек. Последние два месяца подобное происходит почти ежедневно, как правило, с применением новейшего достижения современного исламского фундаментализма – террористов-самоубийц. Как-то раз моя жена совершенно случайно осталась в живых, успев выйти из магазина за минуту до того, как очередная нелюдь (на этот раз женского пола) привела в действие взрывное устройство.

Израильское общество пытается различать простых, нормальных арабов и террористов. Я не встречал здесь бытовых антиарабских проявлений где бы то ни было – в магазинах, автобусах, медицинских учреждениях, во многих из которых палестинцев, в отличие от остальных израильтян, лечат бесплатно. Большинство израильских граждан требует возмездия, наказания не только исполнителей, но прежде всего организаторов террора – персонально Арафата и его сообщников. Этого до сих пор не произошло. Для успокоения общественного мнения их бомбят, заранее о том предупреждая, давая возможность улигнуть под вопли о «неадекватном применении силы».

Причины столь странного поведения израильского руководства – в расколе общества. В то время, как большинство хочет обеспечить нормальную безопасность государства, крикливое левое меньшинство требует мира любой ценой и, не стесняясь солидаризироваться с Арафатом, позволяет себе порой откровенную клевету в адрес армии.

В заключение хочется задать вопрос, который здесь, в Израиле, ставят многие: «До каких пор?» Доколе человекоподобные монстры будут иметь возможность продолжать свою грязную работу? Ответ прост: это будет продолжаться до тех пор, пока они будут получать поддержку от деятелей, подкупленных на нефтяные деньги, а порой – просто в силу непроходимой глупости пытающихся выдавать старого гангстера Арафата и возглавляемую им шайку убийц за национально-осво-

бодительное движение. Кровавые нападения на Израиль не прекратятся до тех пор, пока международное сообщество, политики и интеллектуалы будут делать вид, что происходит обычный политический конфликт, который можно разрешить путем переговоров между «конфликтующими сторонами», т.е. между убийцами и их потенциальными жертвами. Не только мировые лидеры, но и простые люди должны понять: Израиль – не

единственная и не последняя мишень воинствующего ислама. Под угрозой весь современный образ жизни, более того – сама современная цивилизация. Помогая Израилю, мир поможет себе. Исламский фундаментализм не остановится, не пойдет ни на какие компромиссы, пока не будет побежден. Здесь, в Израиле, это видно так же ясно, как в Нью-Йорке при свете горящего Всемирного торгового центра.

РОССИЕВЕДЕНИЕ

Андрей Zubov

МЕЖДУ «ЗАПАДНИКАМИ» «И ПОЧВЕННИКАМИ»*

6

Важный момент отличия западной цивилизации от русской – достижительный и недостижительный характер культуры. Я думаю, что здесь мы опять должны вернуться к некоторым теологическим моментам. Дело в том, что недостижительных культур вообще нет. Любая культура, начиная с египетской, достижительна. Люди прикладывают огромные усилия, чтобы чего-то достичь. Египетские пирамиды тому прекрасное доказательство. Но вопрос – чего достичь? Опять мы возвращаемся к той же науке – аксиологии, изучающей различные цели человеческого действия.

Есть цели религиозные, сотериологические. Древний Египет в III тыс. до Р.Х. имел доминирующий сотериологический идеал и приносил в жертву экономические интересы, или использовал экономику как средство для решения определенных внеэкономических задач. Известно, что шанский Китай и Египет Древнего Царства использовали достаточно эффективную для своего времени экономику, скажем, ирригационные модели, для того, чтобы весь прибавочный продукт тратить на непроизводительные нужды: строительство храмов, строительство гробниц. Если вы посмотрите работы Степугиной о шанском государстве, то увидите, что она, удивляясь, отмечает, что в долине Хуанхэ в результате напряженных сельскохозяйственных работ и в результате набегов на соседние племена и государства добывалось очень много ценностей, но все они уходило на строительство гробниц. Это странно с точки зрения современного человека, привыкшего действовать иначе – духовное конвертировать в материальное, а не материальное – в духовное; потустороннее – в посюстороннее, а не посюстороннее – в вечное Божественное инобытие.

Если мы сравним средневековый европейский город с современным недавно построенным городом европейского типа, то увидим, что совершенно разное место в нем занимает церковь. Возьмите, например, современ-

ные церкви Нью-Йорка. Они есть, но они там как бы теряются в застройке. А что в современном американском городе в центре? Супермаркет, где все продается. А в средневековом городе, в каком-нибудь Руане, в центре – собор, к которому стягивается город, и там все дороги ведут к храму, а не к супермаркету и не к бизнес-центру.

Это явное указание на различную аксиологию сравниваемых сообществ. Одни стремятся к решению задач вечности, поэтому они строят гробницы и храмы, или, как в Индии, где не строили гробниц и храмов, а огромные средства затрачивались на ритуал. Известно, что ашвамедха (жертвоприношение коня, наиболее дорогостоящий княжеский ритуал) съедала весь прибавочный продукт индийского раджи. А в современном обществе главные цели жизни – богатство, успех, карьера. Поэтому можно говорить скорее не о разных цивилизационных типах, а о разных этапах. Сомневаюсь, что русское общество XIX в. было существенно более сотериологически ориентированным, чем современные ему английское или французское общества.

Если бы оно действительно было сотериологически ориентировано, то так бы легко не оставило Бога и Правду Его в 1917 г. И социологические исследования русской деревни конца XIX в., недавно появившиеся отчасти в книге «Великорусский пахарь», показывают, что как раз вера стала очень маргинальной в русском обществе, а главными считались совершенно материальные ценности – деньги, хорошая усадьба, богатство, успех... А в идеале, как вы помните, в бунинской «Деревне» – откупить у барина усадьбу, на которой его предки твоего предка секли и травили борзыми.

Достижительность русского общества конца XIX в. во многом типологически близка достижительности синхронных ей западных сообществ, то есть она ориентирована в основном на достижение посюсторонних, а не на потусторонних целей. В этом смысле русская деревня конца XIX в., в отличие от старообрядческого общества, сильно отличается от средневековой русской же или западноевропейской деревни, или, предполо-

*Окончание. Начало в № 5 за 2002 г.

жим, от современной нам индийской деревни. Если чисто социологически посмотреть, какое количество денег или средств отдавал человек на религиозные нужды в разные эпохи, то в конце XIX в. отдавали уже очень немного. Мотивации этой отдачи – в средние века завещали имения монастырям на помин души ради вечного спасения, а в конце XIX в. посылали «красенькую» на Афон, чтобы не было неуспеха в торговых делах. Это еще ухудшает ситуацию, но об этом не будем говорить.

Вот характерный пример полного отказа от сотериологической ориентации в русском обществе начала XX в. Будущий епископ Иоанн Шаховской, когда был просто священником в русских войсках, а потом был послан русским правительством окормлять духовно русских военнопленных в Австрии в I мировую, приводит следующую статистику.

До февральской революции в Австрии все русские военнопленные, бывшие исторически православными, раз в год причащались. После февральской революции причастие перестало быть обязательным. И среди военнопленных русских солдат в Австрии (не в революционной России) тут же в 10 раз сократилось число причастников. А когда произошёл октябрьский переворот и вести о нём дошли до Австрии, то среди военнопленных, которых никто не побуждал отказываться от христианских таинств, становиться красными солдатами, еще в 10 раз упало число причастников. Т. е. в 1918 г. священники причащали одного из ста исторически православных людей в Австрии, где можно было абсолютно свободно проявлять свою веру или неверие. Этот процент верующих – один из ста – и есть правильный уровень сознательных православных людей в русском обществе предреволюционной эпохи.

Достижимость у нас была в то время такой же эгоистически посторонней, как и в западных обществах. И именно этот тип достижимости при одновременной слабости нравственных норм («рассеянная санкция») привел к принятию русским обществом революционного соблазна поживиться чужим добром, поправить свою жизнь за счет земли богатого соседа, не гнушаясь и убить его, если не хотел сосед отдавать свои богатства «по-хорошему».

Почему же у нас такая достижимость вроде бы куда-то исчезла при советской власти? Я думаю, что здесь даже долго и объяснять не надо. Совершенно очевидно, что вся эта достижимость, еще как-то пытавшаяся выплеснуться в НЭПе, была потом просто полностью зарублена коллективизацией и всем прочим, что сейчас любой культурный человек прекрасно знает. Помните слова Хрущева, сказанные на знаменитом процессе фарцовщика Рокотова? «Мы в коммунизм с большой ложкой и вилкой не пустим!». И Рокотова, как известно, потом расстреляли. Т. е. любой человек, который пытался достичь чего-то большего и был не очень умелым конспиратором, как некоторые грузинские махинаторы, просто уничтожался или подавлялся властью. В этом смысле современная Россия – общество, вычищенное железной расческой большевизма вообще от всякой достижимости. Сейчас мы видим, что достижимость опять появляется, опять

растет, но, конечно, в самых диких и странных формах, потому что вычищена не только достижимость, но раньше её и вместе с ней еще и нравственная парадигма. Полагать же, что русское общество всегда было недостижимым, а с каким-то духовным идеалом бесребреничества – наивно. Русское общество было когда-то религиозным во времена преподобного Сергия Радонежского, причем во многом благодаря ему, а до этого было иным. Вы помните, какие несимпатичные картины русского общества описывает преподобный Сергий в своей переписке с митрополитом Киприаном?

Когда не усиливается материальное и не прибывает духовное, то возникает и третья альтернатива, которая, к сожалению, очень заметна сейчас в нашем постсоветском обществе, – водка и наркотики. Когда человек не хочет достигать ничего материального и ничего духовного, то он совсем убивает в себе человеческое. И очень многие люди, прошедшие советский период, тот же Волков и тот же Солженицын, замечают, что как раз в 1920-е намного больше пить начали в России, на порядок больше, чем раньше. Именно потому, что почти все пути активности человека были пресечены, и большинство людей предпочитало просто разбить себя, чем продолжать дальше существовать без возможности какой-либо понятной им и желанной им достижимости. И сейчас те, кто не хотят заниматься или бизнесом, или духовным строительством себя и новой России, к сожалению, принимают, как говорят психологи, установку на саморазрушение, реализации которой служат наркотики или водка.

7

Имеет ли труд совершенно иное значение у нас, чем на Западе? Бытует мнение, что труд у нас воспитывает людей в моральном отношении. По правде сказать, я знаю только одну форму такого труда, да и то отчасти, – в монашеской общине. Преподобный Сергий трудился, уединившись от мира, чтобы строить себя как личность. Для него труд был средством умертвить свои страсти. Вы помните, как Антоний Великий советует, что, когда ты сидишь в келье, обязательно занимайся рукоделием – плети корзины и т.д., для того чтобы умертвить свои страсти в первую очередь, а не для того, чтобы прокормиться только. Поэтому, кстати говоря, нищенствующее монашество в отличие от буддизма всегда осуждалось в христианстве. Считалось, что надо трудиться от своих рук. Помните слова Апостола Павла: не воруи впредь, но трудись. И не желающий трудиться да не ест. В этом смысле отчасти труд есть этический подвиг.

Но для абсолютного большинства людей повсюду, в частности и в России, труд был в первую очередь средством выживания, средством для того, чтобы прокормить себя и семью и улучшить свое положение.

Крестьяне трудились в поте лица от зари до зари в нашу короткую страду вовсе не из этических или эстетических побуждений. Ключевский говорит о том, что особенность русского характера, в частности, формируется тем, что очень короток у нас сезон сельскохозяйственных работ и поэтому надо работать ударно. И мужик работал ударно совсем не для того, чтобы умерт-

вить свои страсти, он об этом даже особенно и не думал, а просто потому, что надо было иметь хлеба достаточно, чтобы хватило до следующего урожая. Как известно, хлеба часто не хватало, отсюда проблема крестьянских ремёсел, отхожих промыслов и прочего, но говорить, что в России труд имел в первую очередь моральное, а не производительное значение, это наивный лепет. Труд повсюду, если мы будем исходить из Библии, – это проклятие Божие человеку от грехопадения Адама, и это проклятие очень эффективно ныне, как и тысячелетия назад. Если не трудишься, то просто помираешь. В больных обществах возникают группы, которые могут не трудиться и даже считать труд позором, как после акта о вольностях дворянства могло себе позволить думать высшее сословие России, так как труд для него из обязательного служения стал как бы факультативным – хочешь служи, а хочешь живи в усадьбе за счет крепостных. Такие группы повсюду постепенно деградируют, если избегают общественно полезной деятельности. Дворяне были такие же русские люди. Не имея нужды трудиться сами, очень часто приходили к полному вырождению, о чем так печально пишет тот же Иван Бунин.

Говорят еще, что у нас люди не стремятся освоить новые технологии производства, часто довольствуясь тем, что есть. Я думаю, что до сих пор люди не знают и не представляют форм активности, деятельности. И задача культурной части общества научить, как извлечь максимальную прибыль, скажем, из сельского хозяйства. Известно, что самой читаемой литературой в той же традиционной Индии являются агрономические журналы, и в России перед революцией агрономические культурные хозяйства развивались, резко увеличивалось их число. А вот сейчас большинство наших людей, во-первых, не столкнулось еще с проблемой труда ради выживания, не от привычки, что их кормит кто-то другой – хозяин, рабовладелец, тираноликое советское государство, а, во-вторых, и не знает, как эффективно прокормиться самому. Здесь огромное значение имеют, конечно, и накапливающийся жизненный опыт выживания, и просвещение общества.

Нередко высказывается мысль о том, что в русском обществе нравственность проявляется в общине, и когда человек выходит из общины, он теряет свои нравственные устои. Это факт, известный не только русскому обществу. Практически любому преимущественно аграрному сообществу, скажем, индийскому. Когда человек из деревни переходит в город, он чувствует себя свободным от привычных и ранее обязательных нравственных норм. Если в деревне он не мог воровать, прелюбодействовать, лгать, то здесь он не может, потому что никто вроде бы его и не видит – народу много, но все чужие. А он привык, что только свои могут его ограничить, что только те, кого он знает по имени, – люди, которых стыдно. Как и мы можем позволить себе в четырех стенах нашего дома такое, чего бы постеснялись на людях.

Но считать, что эта внутриобщинная нравственность – какой-то положительный момент русской культуры

– глубочайшая ошибка. Это как раз величайший момент нашей уязвимости, нашей слабости. И тоже, я думаю, возникший не на пустом месте. Почему же это момент нашей слабости?

Силён лишь тот человек, который в любом коллективе остается собой, который нравственные принципы хранит, как свой образ Божий, который находится в постоянном диалоге с Богом и знает, что он ответственен перед Ним, где бы он ни был: в лагере, в тюрьме, в криминализованном сообществе – он не становится таким, как это сообщество. Он остается самим собой, он идет против любого сообщества, которое противно его нравственным принципам, и соглашается с тем, что согласно его нравственным принципам. Если у человека нет такого индивидуального предстояния перед Богом, если он только привык соизмерять себя с теми, кого он видит, с видимыми, то как же он тогда вообще будет ответственно жить?

Ведь и перед судом и перед Богом не община, а отдельный человек отвечает за свои личные выборы, за склонение своей воли или к добру, или ко злу. И одна из причин нашей ужасной революции 1917 г. та, и об этом много раз пишут очевидцы революции, что мужик рассуждал: «Я что ж, я дурак, я баран, что Илья, то и я, это меня ребята сманули, это меня жида подучили...»¹. А поскольку «ребята смануть» могут вовсе не обязательно на доброе, «смануть» можно даже и на очень большую гадость, то такое отсутствие личного, неколлективного нравственного императива в высшей степени пагубно.

Но почему отсутствие личного нравственного императива характерно и для предреволюционного русского общества, и во многом для сегодняшнего – другой вопрос. Полагать же, что отсутствие личного нравственного императива – некое положительное явление, положительное отличие от Запада – неверно. Как раз на том, что человек отвечает перед Богом самолично, основано все христианское учение. Христианам города Рима апостол Павел пишет: «Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает» [Рим 14,4]. То есть всегда предстояние перед Богом индивидуально. Поэтому коллективизм принципиально противоречит религиозному, а тем паче христианскому сознанию.

8

Часто слышишь: духовность у нас выше, чем на Западе. Это расхожая фраза. А что такое духовность? Дело в том, что после того, как мы благополучно уложили в землю то ли 40, то ли 50 миллионов людей за прошедшие 80 лет, расстреливали в затылок, доносили в ГПУ, для того, чтобы получить чужую квартиру, участвовали в революции на стороне красных и отнимали усадьбы, собственность, можно ли говорить вообще о какой-то нашей духовности?

Что такое духовность? Это исполненность Духом Святым. А какой Дух Святой был в нашем народе, когда русские люди разоряли свои храмы, разоряли

¹И.А.Бунин. Великий дурман // И.А.Бунин. Публицистика 1918-1953 годов. М.: Наследие, 1998.- С.63.

свои святые, глумились над мощами древних праведников? О какой духовности нашей можно в таком историческом контексте говорить? Я думаю, что духовность в высоком смысле – это, конечно, религиозность. Уровень религиозности – сознательной ответственности перед Богом за свои мысли, слова и поступки и ныне у нас очень низок и был низок в начале XX в. и привел к революции, поскольку старая Россия была построена на духовных основаниях. Большой имперский герб был украшен девизом «С нами Бог!», гимн начинался с призывания имени Божьего, уваровская идеологическая формула начиналась с обращения к Православию, и солдаты шли умирать на поле брани в первую голову «за Веру» и уже потом за Царя и Отечество. Вся государственная система Империи была воздвигнута на святые веры в Бога – и венчание Царя на царство, и присяга подданных на верность Государю. Когда вера, духовность охладела и в народе и в высших сословиях, тогда ничего, кроме обрушения Государства Российского, произойти не могло. Можно ли после этого жуткого опыта недавней отечественной истории опять петь старую песню о какой-то особой духовности, о какой-то «богоносности» нашего народа? Не прав ли был Розанов, незадолго до своей голодной смерти резюмировавший в 1918 г., что «богоносец подн...л»?

Если говорить о духовности как о направленности человека на стяжание Святого Духа, то этого больше у нас или на Западе? После опыта большевизма об этом говорить нельзя никогда, надо постыдиться об этом говорить. То, что сделали мы со своим обществом, не сделало с собой никогда ни одно общество. Но это всё – если говорить о высокой духовности, о хождении пред «своим» Богом.

А уровень духовности в профанном, общеупотребительном смысле – это ориентация на духовные, а не на материальные ценности. Так вот об этом тоже любят поговорить и убажчить себя тем, что отсутствие ориентации на материальные ценности, которая действительно замечается у значительной части нашего общества, компенсируется какой-то повышено напряжённой ориентацией на ценности духовные. Но и здесь не всё так благополучно. Материальный интерес, когда он ослабевает, замещается у значительной части наших людей не столько духовным порывом, сколько, к сожалению, уходом из реальности в мир наркотических грёз и пьяной отупелости.

А там, где нет бегства из мира в водку или в травку, там царствует интерес плоти – самое примитивное ее убажнение со всех сторон. Когда, скажем, наш человек едет за границу, он делает вид, что едет для того, чтобы ходить в музеи, смотреть выставки, выступать с трибун и призывать к высоким нравственным ценностям. Но на самом деле он, как правило, думает о том, как бы получить больше денег, купить вещи, насытить свой желудок. У нас во многом запрос большинства людей сейчас не выше, а ниже, чем у западного человека, к сожалению. И духовное для очень многих – лишь некоторая ширма для реализации своего подлинного материального интереса. Поэтому не всегда эффективны резуль-

таты социологических опросов. Нормативно, конечно, духовное ставится выше материального, а поведенчески, увы, часто оказывается, что человек живет, исходя из грубо материальных целей.

9

Кое-кто утверждает, что кризис у нас из-за того, что 12 лет назад ослабла сама власть. Речь, видимо, идет о том, что кризиса не было при советской власти и соответственно, не было предреволюционного кризиса, который привел к революции. Разумеется, это принципиально неверно. Мы начали разговор с того, каковы высшие цели общества. Так вот, все высшие цели общества – благополучие, порядок, мир и свобода – попирались у нас 80 лет, с марта 1917 г. И у нас бесконечно ослабла не власть, а общество ослабло, и ослабло не 12 лет назад, а лет 100-150 назад, а возможно, начиная с петровских реформ. Именно тогда мы избрали неправильную парадигму – парадигму модернизации одного класса за счет всего общества, то есть модернизацию дворянства за счет народа. Может быть, тогда у нас началась та деградация, которая в итоге привела и к 17 г., и к нынешней нашей бедственности. Хотя, как вы знаете, были попытки отказа от этой парадигмы, и одна из этих попыток, я думаю, так или иначе происходит как раз последние 12 лет, правда, может быть, очень неудачно.

Если вы обратите внимание, в США в какой-то момент экономические проблемы решались путем привлечения рабов из Африки, это очень гадко и постыдно, но все же это были хотя бы не свои собственные сограждане и соотечественники, а в России эту же самую проблему решали путем закабаления и закрепощения собственных людей и при Петре, и при Екатерине. И если целостность американского общества и сила американской государственной власти до сих пор испытываются на прочность негритянской проблемой, то нам ли ожидать, что мы вполне исчерпали свое несправедливое прошлое и досоветское и советское и можем надеяться так, без существенных трансформаций, без раскаянности въехать в светлое будущее?

Очень характерно указание ряда исследователей, что Сталин эффективно использовал русские культурные ценности: коллективизм, недостижимость и духовность. Характерно, но, думаю, глубоко неверно. И коллективизм, и недостижимость, и сталинская «духовность» были не результатами использования, пусть даже и нечестного, некоторых глубоко коренящихся в обществе ценностей, а скорее принуждением общества к этим псевдоценностям.

Коллективизм был искусственной подменой соборности, недостижимость также была совершенно искусственно навязана обществу. Какой коллективизм был в коллективизацию, когда была уничтожена большая часть крестьянства?

Какая была недостижимость, когда была уничтожена любая экономическая активность в обществе?

Какая духовность может быть, когда уничтожены все институты Духа – религия, история, литература, изящные искусства, нормы морали и совесть?

Так что ни на каких традиционных русских культур-

ных ценностях сталинская государственность не строилась. Она пыталась выдать эти собою сформированные формы за реальные ценности общества, но принимать фильмы сталинского периода за отображение действительности глубоко неправильно. Если мы пытаемся реконструировать сталинскую действительность, надо пользоваться воспоминаниями честных людей и книгами, подобными работам Солженицына, действительно описывающими реальное общество, а не ту красивую, но абсолютно лживую картинку, которую описал Бабаевский в «Кавалере Золотой Звезды».

Тем более надо учесть, что если коллективизм, недосягаемость и слепая вера в Сталина, как бы сталинская «духовность», в обществе утверждались насильственными методами, то те, кто их утверждал, этими достоинствами не страдали. И как раз невероятная карьерность, жесточайшее стремление к успехам, к благам, к власти, к деньгам – отличительная особенность всех, начиная от надсмотрщика в лагере и кончая Абакумовым, Молотовым и Берией.

Одни были жертвами и рабами, в неизмеримо большей степени, чем крепостные крестьяне первой половины XIX в., а другие – новыми помещиками, которые сами отнюдь не разделяли те ценности, которые они навязывали обществу. И, кстати говоря, вот эта недосягаемость и этот коллективизм опровергались не только Абакумовым и надсмотрщиками в лагерях, они опровергались, к сожалению, в значительной степени и всем обществом. Ведь мы же не можем не сказать, что массовые репрессии против невинных людей – зло. Безусловно, это зло, и общество не могло не понимать, что это зло.

Но сплошь и рядом было доноительство ради получения квартиры, анонимки ради успехов по службе, т.е. люди губили друг друга не из-за недосягаемости, а из-за сугубой достижительности, да еще и безнравственной. Эти методы советского общества использовались ради того, чтобы сделать карьеру, достичь своих целей. Если бы в русском обществе действительно были бы соборность и коллективизм на добро, то произошло бы, наверное, то, о чем сожалел Солженицын, говоря в «Архипелаге ГУЛаг», что когда в 34 году начались массовые аресты в Ленинграде, люди сидели по своим норкам, как мышки, их приходили брали, и всё. А если бы люди сговорились подъездами бороться с этими мерзавцами, бандитами и насильниками, если бы вооружились хотя бы топорами, ломом, кочергами, лопатами, то, наверное, уже не такой ценой обошлась бы эта «зачистка», а возможно, всё и захлебнулось и пошел обратный процесс. Но никакого коллективизма на добро в русском обществе советского периода не оказалось. Это было деградировавшее общество, убивавшее себе подобных ради куса из рта.

А ведь далеко не всюду было так. Во время спартаковской революции 1919 г. в Германии была создана Баварская советская республика, и там тоже захватили власть крайние элементы, и тоже устроили свою ЧК, и тоже вершили репрессии. Но жители Мюнхена посмотрели неделю, посмотрели другую, а потом собрались и всех спартаковцев арестовали, посадили в народную

тюрьму и судили. У нас почему-то ничего подобного не произошло.

Особенность нашего общества и советского, и постсоветского периода – вопиющее отсутствие коллективизма как способности к самоорганизации. Вспомните справедливые сетования Солженицына в книге 1998 г. «Россия в обвале»: ничего с земским низовым самоуправлением не получается, потому что люди не хотят организовываться, не хотят создавать коллективы гражданского общества. Так что это скорее наша огромная проблема – отсутствие соборности, коллективно-самоответственного поведения. Коллективизма у нас нет, есть стадность. Стадность – когда появляется пастух и гонит стадо, а оно повинуется ему, пусть даже гонят его на бойню.

10

В научных исторических (да и не только в них) кругах до сих пор существует совершенно запредельное мнение, что сталинская система была конкурентоспособной. Но когда за плечами такое количество слез, горя, вывернутых наизнанку и помятых судеб, когда, во-первых, оскорбили и изнасиловали все общество, и, во-вторых, превратили людей, может быть, и больных до революции, но еще способных к выздоровлению, в совершеннейших калек, называть это общество конкурентоспособным, да и с кем конкурентоспособным, да и в чём конкурентоспособным, совершенно невозможно. Мы не должны забывать, что дурные средства любую цель перечеркивают. Но хоть какая-то цель была достигнута? При советской власти мы не достигли ни одной из целей, которые реальное общество может ставить перед собой: ни безопасности, ни процветания, ни свободы – ничего ведь достигнуто не было. Потому назвать сталинское общество конкурентоспособным невозможно. Сталинское общество – общество гипертрофированного и абсолютно неправового крепостного права.

Говорится о том, что была хорошая система социального обеспечения, социальных гарантий в нашем обществе. Но ведь очень важен источник этого. То общество, которое может породить систему социального обеспечения, социальных гарантий, социальной защиты, – здоровое общество. А то общество, которое ждет, что кто-то сверху ему даст социальные гарантии, социальное обеспечение, а само ничего породить не может, – больное. Когда Александре II воссоздал земство, тогда общество стало фактически формировать земские больницы, школы, систему социальной защиты. Это был эффективный и здоровый процесс. А когда общество при советской власти стало обществом рабов, которым хорошие рабовладельцы строили больницы и школы, а другие плохие, скажем, не строили этого, а оно за себя постоять не могло, то это глубоко больное общество.

Говорить о том, что это наша особенность, наша почвенническая традиция – такое рабское, скотское повиновение власти, – невозможно. Здесь еще надо оговориться насчет коллективизма. Дело в том, что какое бы у нас ни было коллективистское сознание, надо помнить, что как только были приняты столы-

пинские законы 1905-06 гг, в первую очередь закон от 9 ноября 1906 г. о свободном выходе из общины, в течение 5 лет, с 6 по 11 г, из общины выделилось примерно 25% домохозяйств. И к революции было уже примерно треть домохозяйств, порвавших с общиной. Особенно быстро этот процесс шел в Новороссии, в Херсонской и Таврической губерниях, на Южной Волге, в Саратовской и Самарской губерниях. Кроме того, примерно 3,5 млн человек добровольно поехали в Сибирь, в Среднюю Азию, 500 тыс. из них вернулись, но 3 миллиона-то остались. Это были процессы совершенно индивидуальные, связанные как раз с разрывом с коллективом, общиной. Так что можно видеть, что как только русское общество начинает освобождаться от рамок принудительного коллективизма, принудительной общинности, так тут же появляется широкий класс активных, действующих, свободных людей.

Они осуждались другими? Да. Теми, кто не хотел работать, кто предпочитал жить за счет других. Но может ли существовать общество, живущее лишь за счет поощрения слабых? Вспомним знаменитые слова Столыпина, что наши законы для сильных и активных, а не для слабых и пьяниц. Государство, действительно, должно заботиться обо всех, но полагать, что само общество должно постоянно ограничивать себя ради худших, равняться по худшим – губительно.

Но к 1914 г. сильных и решительных среди основного сословия – крестьян набралось миллионов 10-15

взрослых мужиков. Эта была та здоровая основа, на которой могло бы строиться будущее русское государство. Но война 1914 г. погубила или изувечила морально и физически большинство из них. Ведь на войне гибнут всегда лучшие. И осталось отребье запасных батальонов, которые и учинили мятеж в Петрограде, а потом расплозились, по всей стране, сея разбой.

Другой пример самоорганизации – Белое движение, в которое вступили в 1917-20 гг сотни тысяч людей военных и гражданских, которые не могли смотреть на унижение и ограбление России кликой Ленина-Троцкого. Они пошли умирать за Россию добровольно (мобилизации белыми почти не проводились). Трагедия наша в том, что эти лучшие и самоответственные люди потерпели поражение и были частью уничтожены, а частью изгнаны. По оставшимся, не выбитым Великой и гражданской войнами, не ушедшим в изгнание, семь десятилетий ещё прокатывался каток самого страшного тоталитарного режима, который знает история, истребив каждого пятого и увеча души остальных четырех.

Я всей душой приветствую попытку продолжить диалог западников и славянофилов, но прежде нам надо осознать себя, понять, через что мы прошли, пережить, на этот раз не экзистенциально, но интеллектуально, опыт русского XX в., и тогда, быть может, нам легче станет находить ответы на вопрошания, доносящиеся до нашего уха из салона Елагиной или дома Аксаковых.

Ю.В.Мальцев «Иван Бунин 1870-1953»

Обложка, 432 стр. М., 1994, Цена 45 рублей.

М., «Посев», 1994. 432 с. мягкая обложка

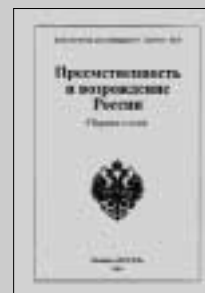
Автор - литературовед, эмигрировавший в 1974 г., дает первое глубокое исследование творчества великого писателя, объединив российские и зарубежные материалы.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

Сборник статей. М., Посев, 2001 г., Цена 45 рублей.

Послесоветская Россия уже не первый год живет с расколотым сознанием: кто она? Наследница Советского Союза? Или тысячелетней России? Или вовсе новое образование, построенное по западным шаблонам на пустом месте? Настоящий сборник обосновывает нравственную и политическую необходимость восстановления в нашей стране юридической и идейной преемственности от докоммунистической России, освещает с этой точки зрения события XX века и рассматривает ряд политических вопросов сегодняшнего и завтрашнего дня.

В 2000 году в Москве группой научных и общественных деятелей был создан комитет «Преемственность и возрождение России». Книга содержит два документа и статьи шести его членов.

Заказы направлять по адресу: 103051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.

Тел./факс (095) 925-92-48, E-mail: posevru@online.ru

Сергей Левицкий

О ДУХОВНОЙ ГЕНЕАЛОГИИ СОЛИДАРИЗМА

Вопрос о духовной генеалогии солидаризма до сих пор еще не ставился сколько-нибудь серьезно. Сами солидаристы считают себя духовными потомками славянофилов, ведь понятие «солидарности» близко по своему духу выдвинутой ранними славянофилами идее «соборности», как «синтеза свободы и единства». С другой стороны, несомненно, что идея солидарности развита в солидаризме более в социальном разрезе, хотя большинство солидаристов и признают ее укорененность в христианской морали и православной мистике. Но этот упор на социальность после опыта русской революции вполне понятен. Солидаризм полемически заострился в борьбе против марксизма и ленинизма, выдвинув, в противовес идее классовой борьбы, идею междуклассовой, общенациональной и, в пределе, общечеловеческой солидарности. Конечно, социальность, оторванная от духовности, не может привести к оздоровлению и преобразению общества. Однако и духовность, не воплощенная в социальность, не будет иметь того «массового эффекта», в расчете на который должно развиваться всякое социально-политическое учение.

Некоторые враги солидаризма отрицают за этим учением право на «русскость» и «православность по духу». Они видят в нем скорее продукт западного «вольномыслия».

Рассматривая этот вопрос по возможности объективно, мы должны прежде всего сказать, что как сами солидаристы, так и их противники каждый по-своему прав: солидаризм, действительно, коренится в традициях русской мысли, прежде всего, в славянофильстве. В то же время и враги солидаризма в какой-то мере правы, улавливая в этом учении также и некий западный душок. Вопрос заключается в том, в каком смысле правы апологеты и противники солидаризма, и какое синтетическое утверждение может примирить здесь тезис и антитезис.

Для ответа на этот вопрос отойдем временно от темы и попытаемся оценить ее с более общей перспективы.

Для истории русской мысли характерно, что носителями углубленной культурной мысли являлись у нас преимущественно славянофилы и близкие по духу мыслители (Вл. Соловьев). Если русская мысль сказала свое настоящее слово миру, то высказано оно преимущественно духовно «правыми» кругами. В самом деле, что серьезного и оригинального могут противопоставить «западники» (не только Чернышевский и Писарев, но и Герцен, Тургенев, Милюков) таким мыслителям, как Киреевский, Хомяков, Данилевский, Леонтьев, наконец, Достоевский?

Даже обновление русской исторической науки пришло преимущественно от «восточников» (евразийцы, которых можно назвать «ориентализированными славянофилами»¹. Русские философские западники могут противопоставить углубленной и безусловно оригинальной мысли «восточников» лишь перепевы марксизма, позитивизма, эмпириокритицизма, в лучшем случае – неокантианство. Приоритет «восточников» в русской философской мысли несомненен. Даже такие, западные по форме, мыслители, как Лосский и Франк, по духу своему ближе стоят к Востоку и нередко сами подчеркивают это.

Но в то же время в социологическом плане «восточники» наши опять-таки по преимуществу (ибо исключения здесь всегда найдутся) были консерваторами, нередко вплоть до реакционерства (беря это слово в том смысле, в каком оно употреблялось нашими «прогрессистами»). Наши же «прогрессисты»-западники были, в действительности скорее реакционерами в смысле духовном, ибо материализм и позитивизм есть философская реакция. И, однако, ставя вопрос в социально-политическом разрезе, нельзя не признать, что они – западники – были более правы в своем стремлении к социальным реформам, чем, скажем, поздние славянофилы, боящиеся всяких социально-политических нов-

ей.

¹Евразийцы – сторонники идейно-политического и общественного учения, возникшего в среде русских эмигрантов в 20-30 гг. XX в., согласно которому Россия – особая страна, органически сочетающая в себе элементы Востока и Запада. Подробнее см. статью В.П. Кошарного в словаре «Русская философия» (М., 1995, с.148-149).

*Печатается по тексту: Посев. 1949, № 22 (157), 29 мая. Публикации этой рубрики подготовлены В.В. Саповым.

шеств и державшиеся за «общину» и прочие рудиментарные социальные начала. Словом, духовная высота и углубленность слишком часто сочеталась у нас с социально-политическим консерватизмом, а иногда даже с реакцией. И, наоборот, наиболее передовые в социально-политическом смысле умы роковым образом влеклись к философской «реакции» – материализму и позитивизму.

Исключений, конечно, найти можно достаточное количество. Самый яркий пример в этом отношении – Владимир Соловьев, не мысливший себе возрождения религиозной культуры без социальных преобразований (в этом последнем пункте сблизившийся впоследствии и с западниками, кому не памятна его знаменитая полемика со славянофилами под названием «Национальный вопрос в России»)². Представители же русского религиозно-философского Ренессанса (Булгаков, Струве, Бердяев) призывали к нравственно-религиозному оправданию и просветлению социальности. Да, наконец, если идти дальше в прошлое, славянофил Самарин был одним из главных деятелей по подготовке реформы освобождения крестьян. А сколько западников ориентировалось не на материализм и позитивизм, а на германский идеализм и средневековую духовную культуру Запада. В истории чрезвычайно трудно и методологически опасно делать обобщения. Тем не менее, намеченная нами тенденция сочетания духовного прогресса с социально-политическим регрессом и, наоборот, социально-политического прогресса с духовной реакцией существовала в действительности, и для мыслителей, влиявших на общественное мнение, тенденция эта чрезвычайно характерна и показательна.

В этом отношении солидаризм, вслед за Вл. Соловьевым и за русским религиозно-философским Ренессансом, рвет с вышеописанной тенденцией и стремится сочетать духовность с социальностью, стремится к одухотворению социальности. Ибо солидаризм вырос в борьбе с воинствующим материализмом и ему глубоко чуждо всякое мировоззренческое непредрешенчество. Солидаризм основывается на идеал-реалистической философии, строя свое учение о солидарности на вечных основах христианской морали (которая неотделима от мистической сущности христианства, но не идентична с ней). И в то же время солидаризм понимает, что вне решения социального вопроса, вне социального приложения любая, даже самая возвышенная доктрина, не может быть воплощена в жизнь и останется социально бесплодной. И в этом-то упоре на социальность лежит большое и существенное отличие солидаризма от духовно и политически «правых».

Упор на социальность отнюдь не означает при этом какого-либо крена в сторону социализма. Основываясь на персоналистической философии и вдохновляясь ею, солидаризм прямо и решительно отвергает примат общества над личностью, он стремится восстановить примат личности, призывая, однако, личность к творчеству

и служению, а не самообслуживанию и самовозвеличиванию. Солидарность, по своей природе, свободна, она исключает всякое насильственное объединение. Источники солидарности – не в безличной общественной стихии, а в свободной солидаризации царства личностей. Солидарность – единство в свободе, свобода в единстве.

В споре между социализмом и демократией солидаризм становится на сторону демократии. И именно в этой области нам есть чему поучиться у Запада не в смысле содержания демократии, а в смысле ее формы. А формы эти были выработаны на Западе.

Русский быт был более демократичен, чем быт западный, где содержание демократии слишком часто подменялось формой, где во всех межличностных отношениях господствовал холодный, безличный формализм. Недаром Кейзерлинг утверждал, что русский народ – единственный, сохранивший непосредственное отношение к душе своего ближнего³. Мало того, политические свободы царской России были более либеральными, чем в современных демократиях. Однако они были все же менее либеральны, чем в западных демократиях довоенного периода.

Как бы то ни было, период либеральной демократии, волею исторических судеб, уже изжил себя. Фактически и современный Запад все более отходит от либерализма. Но демократия не обязательно должна быть либералистической. В наше время нарождается новый тип демократии, в которой не будет места губительному для общего блага произволу и эгоистическому разгулу интересов отдельных лиц и групп (при соблюдении основных гражданских и человеческих свобод). Эти веяния чувствуются и в «новоклассической» стране капитализма – США и в Англии (главным образом в экономической области).

В этом отношении российский солидаризм далеко опередил Запад, по крайней мере, прямо провозглашая «солидаристическую демократию», основные контуры которой достаточно определенно намечены в «Программе НТС». Но российский солидаризм мог сделать это, ибо он не побоялся в социально-политическом плане пойти на выучку к Западу. Ибо, повторяем, твердые формы демократии, без которых всякое, самое лучшее содержание грозит расплескаться, были созданы в свое время именно на Западе.

Духовная свобода у нас была всегда шире и глубже, чем на Западе. Но некоторые аксиомы политической свободы до сих пор не нашли у нас своего должного применения.

Итак, духовная родина солидаризма – культурное славянофильство, лучшие представители которого были воодушевлены идеей конкретной органической целостности, что в плане религиозно-социальном означает «соборность», а в плане социально-политическом – «солидарность».

Идея эта настолько искони, «априорно» врождена русской мысли, что даже такой «западник», как Кро-

²См.: Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. М., 1989, т.2, с.259-640.

³ См.: *Keyserling H. Reisetagebuch eines Philosophen* [Путевой дневник философа]. Darmstadt, 1919. Bd.II. S.387.

поткин, в противовес Дарвину, подчеркивал творческое значение факторов взаимопомощи в природной и человеческой эволюции. Солидаризм отвергает, однако, позитивистскую трактовку идеи солидарности, которую дает ей Кропоткин. Природная солидарность есть лишь предвестник солидарности в человеческом мире, а не ее основа. Высшие формы солидарности не могут быть «выведены» из низших. Наоборот – низшие формы, хотя и появляются во времени прежде высших, не являются, тем не менее, онтологически первичными. Поэтому солидаризм вовсе не ведет свою генеалогию от Кропоткина, однако он видит в нем весьма сильного и ценного союзника в плане натур-социальной философии.

Что касается самого славянофильства, то повторяем, солидаризм ценит, прежде всего, культурное, а не урашовинистическое славянофильство. Ему чуждо также государственное славянофильство Каткова.

Но ему близки Данилевский и Леонтьев, как известно, предвосхитившие в основном «модные» теории Шпенглера и Шубарта. В историософии солидаризм многому научился у Данилевского и Леонтьева, как мыслителей более критических и более чутких к сокровенному пульсу истории, чем ранние славянофилы. Ведь именно Леонтьев, а не Шпенглер, высказал впервые мысль о неизбежности перехода органической «культуры» в механическую цивилизацию.

Однако учение Данилевского об абсолютной-замкнутых «культурно-исторических типах» неприемлемо для солидаризма в силу того, что Данилевский отвергает вселенское значение исторического процесса. «Культурно-исторические типы» суть, действительно, исторические организмы, открытые впервые гением Данилевского. Однако их нужно понимать как сверхнациональные образования, предвещающие создание вселенской, общечеловеческой культуры, а не как некие исторические «вещи в себе», как это делают Данилевский и Шпенглер.

И в своем пафосе вселенскости солидаризм ближе стоит к первоначальному, раннему славянофильству – к Киреевскому и Хомякову.

Во избежание недоразумений здесь необходимо сразу же внести весьма существенные поправки. Ранние славянофилы мечтали о спасении и обновлении зараженного меркантилизмом православия. Социально-политические задачи мало их интересовали, мало того, они считали, что миссия России отнюдь не лежит в области политической. Двадцатый век, бывший веком крушения иллюзий и утопий, свойственных веку девятнадцатому, и ввергший мир в бурный поток тоталитарных войн и революций, заставляет нас быть более скромными и мечтать в первую очередь об избавлении России и тем самым всего мира от кошмара всемирной коммунистической диктатуры и о насаждении социально-политического строя, который обеспечивал бы людям «свободу от нужды и страха». Конечная цель – христианизация личности и общества – остается прежней, и не может ее не быть, ибо она есть вечный идеал, возвещенный христианским учением. Но «дух времени» ставит сейчас на повестку эпохи бо-

лее скромные, но неотложные задачи экономического, социального и политического порядка. Прежде всего необходимо избавить русский народ, а через него и все человечество, от организованных сил зла, нашедших свое антиблагодатное воплощение в мировом коммунизме, цитаделью которого стала волею исторических судеб именно наша страна.

За исполнение этой великой задачи и берется, в союзе со всеми здравомыслящими антикоммунистическими силами, российский солидаризм.

Солидаризм смиренно принимает на себя роль земного слуги христианства, берясь за «черную работу» революционно-идеологического делания. Он ставит себе основной задачей «минимум христианства», подобно тому, как право есть «минимум морали». В условиях бесправия умирает и мораль (мы не говорим о подвижничестве, возможном при всех условиях). Без восстановления социально-политического здоровья заболевшего смертельным недугом мира нельзя стремиться к цветению соборной религиозной культуры. Одним словом, солидаризм реалистичнее раннего славянофильства. Потому-то он предваряет высший вселенский идеал «соборности» общечеловеческой солидарности. Но развитие этой темы слишком далеко увело бы нас от нашего непосредственно предмета.

Для нас важно было подчеркнуть, что солидаризм остается верен русским и православным традициям, что его социально-политические «новшества» продиктованы реализмом, учетом современной социально-политической действительности. Солидаризм совмещает социально-политический реализм с высоким духовным идеализмом. Он отнюдь не отказывается от русского мессианства, но вносит в него меру скромности и здравого учета обстановки. В противовес «западным» идеалам свободы и равенства, он стремился примирить эти антитезы в идее братства. Идея же всемирного братства есть искони русская идея, запечатанная нам и ранними славянофилами, и Достоевским. Высшая цель остается той же и не сможет быть иной. Но в выборе путей осуществления этой высшей идеи солидаризм, родившийся в условиях изгнания и гонений, не может не соблюдать меры реализма, ибо в противном случае он потерял бы свой революционный пафос, превратившись в бесплатное «движение вообще».

Реализм, оторванный от идеализма, политика, превратившаяся в самоцель, в средство к власти, может породить новое зло. Но и всякий утопизм, всякий идеализм, оторвавшийся от «духа времени», неизбежно останется бесплотным и бесплодным. Только мудрый идеал-реализм – вдохновенность высшими ценностями, при зорком и твердом учете современной психоматериальной действительности – способен найти выход из кризиса и вывести современный мир, а прежде всего – нашу страну, из земного ада, безбожной и бесчеловечной диктатуры.

Солидаризм же по духу своему идеал-реалистичен: он твердыми ногами стоит на земле, обращая в то же время свои духовные взоры в небесную высь.

О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ СОЛИДАРИЗМА*

Никакое политическое движение не может исчерпываться только политической программой, ибо программы меняются в зависимости от политических ситуаций внешнего и внутреннего характера. Если движение имеет свое политическое лицо, это значит, что в основу его положены некие основные принципы, служащие вехами и указывающие направление и цели этого движения. Совокупность социально-политически значимых идей, одушевленная руководящим идеалом, называется идеологией. Наличие идеологии сообщает движениям их относительную устойчивость в сложном, противоречивом круговороте политических сплетений.

Но идеи и идеалы не висят в воздухе. Они вытекают из некоего общего мироощущения, которое может принимать социально-политическую окраску, но которое само по себе выходит за рамки политики или даже социальности. В основе идеологии всегда лежит некое «кредо», некий символ веры, который далеко не всегда получает свое достаточно четкое выражение в идеологии, но является питающим источником всякой идеологии.

Это мироощущение (первичная интуиция бытия) не обязательно находит свое непосредственное выражение в мировоззрении, которое может остаться недостроенным. Мироощущение есть живая потенция мировоззрения, и мировоззрение есть развернутое мироощущение, одетое в броню современной философской культуры. Идеология может строиться фактически и без явно сформулированного мировоззрения, но обязательно на основе мироощущения. Однако в наш рационалистический век голое мироощущение, не оформленное в мировоззрение, вряд ли выдержит экзамен критического разума и вряд ли способно быть твердым фундаментом идеологии. Поэтому идеология без мировоззрения останется ущербной.

Однако, хотя идеология вытекает из мировоззрения, все же центр тяжести для социально-политического движения лежит именно в идеологии (т. е. социальной философии, включая сюда учение об общественном идеале). Мировоззрение же должно здесь играть роль необходимого питающего фона, без которого идеология иссыкает и теряет свою жизненность. Идеология есть как бы социальнозначимый продукт мировоззрения, причем политическое движение, по смыслу своего бытия, естественно, больше всего заинтересовано именно в этом продукте. Поэтому именно единство идеологии является залогом единства движения. В области же мировоззрения (имеется в виду развернутая его форма – философская система) социально-политическое движение должно допускать *большую* эластичность, чем в области идеологии. Мировоззрение всегда более субъективно, чем идеология, ибо идеология, по своему смыслу, является достоянием групповым, мировоззрение же – прежде всего достоянием личности.

Но все это, полагаем, отнюдь не освобождает идеологию солидаризма (с ее ведущими идеями – братством и

служением) от необходимости опереться на основу целостного мировоззрения. Каждый может иметь свою философию. Но представлять движение в области философии может только определенное мировоззрение, наиболее гармонически примиряющее запросы ума с императивом воли и стоящее на высоте современной философской культуры.

Но всякое мировоззрение, как мы указывали, вытекает из еще более глубинного источника – из мироощущения, из первичной интуиции бытия, которое в мировоззрении проецируется на плоскость отвлеченной мысли, увязывается с современным состоянием частных наук и вливается в русло определенной философской традиции, обновляя ее новыми философскими синтезами. Всякое же мироощущение по своей природе имеет религиозный характер, и даже атеизм не представляет здесь исключения, ибо он определяется отрицательным отношением (но – отношением) к вопросу о высшем начале бытия. Философия автономна по отношению к религии (в противном случае всякое философствование свелось бы к богословствованию), но в своих корнях и в своих высших синтезах она соприкасается с религией.

Эти общие положения применимы, естественно, и к солидаризму. Солидаризм в ближайшем смысле есть социально-политическая идеология, видящая в факторах солидарности главную силу общественного развития и сочетающая стремление к свободе и к социальной справедливости в идеях братства и служения. Только в свете этих ведущих идей получают свой смысл и свое место все отдельные элементы и аспекты идеологии солидаризма и его социально-политической программы. Не атомизирующий общество индивидуализм, лежащий в основе последовательного социализма (нацистского или марксистского образца), но персонализм, утверждающий самоценность личности и призывающий в то же время личность к служению сверхличным (в том числе, но не исключительно – общественным) ценностям, является главным стержнем социальной философии солидаризма.

Этика солидаризма персоналистична. Но персоналистская этика, утверждая относительную автономность этики, признает конечную зависимость этики от высшей религиозной инстанции. Ибо личность ценится в персонализме в ее служении сверхличным ценностям, то есть как образ и подобие Творца.

Для солидаризма такой высшей инстанцией является христианское учение, заветы христианской культуры. Из этого, конечно, не следует, что из христианства можно вывести как следствие только солидаризм, подобно тому, как из общей посылки можно получить ряд частных выводов.

Дикие нападки неумеренных клерикалов на тему о том, что солидаризм претендует «заменить» собою христианство, отпадают по очень простой причине: если солидаризм основывается на христианстве, то этим самым он сознает свою зависимость от христианства.

Тезис о христианстве как высшей основе солидаризма вызывает, однако, возражения нередко и в среде са-

* Печатается по тексту: Посев. 1952, № 43 (334), 26 октября.

мих солидаристов. При этом выдвигаются два основных возражения: христианство-де «конфессионально», в то время как учение, претендующее, по замыслу, быть универсальным, должно стоять вне конфессиональных рамок. А применительно к России (второй аргумент, вытекающий, как следствие, из первого) «христианский солидаризм» оказался бы неприемлемым для национальных меньшинств, исповедующих иную веру.

Эти возражения были бы неопровержимы, если бы христианство навязывалось извне (силой или «моральным» давлением). Но всякое насилие вообще, и в делах веры особенно, противоречит духу христианства, принятие которого предполагает свободу духа. Нарушение религиозной свободы, имевшее место в государствах, именовавших себя христианскими, было антихристианским делом, хотя бы они прикрывались христианскими лозунгами. Истинный христианин должен бороться только с язычеством (и то в плане религиозном – духовно, а не силой), под которым следует понимать обожествление земных, относительных ценностей, а не только формальное идолопоклонство. Магометанство же и иудаизм являются, с христианской точки зрения, менее полными и искаженными формами религиозного сознания, в которых, однако, содержится первый завет христианства: почитание Бога-Отца как Высшего Начала. Снижение роли Христа в магометанстве и отрицание его в иудаизме делают эти религии неприемлемыми для христианства, но не кладут между ними непроходимой пропасти.

Что же касается буддизма, то буддийская этика милосердия и жалости призывает христианина к еще более христиански-терпимому отношению к буддизму, чем к магометанству или иудаизму. Перед лицом смертельной опасности или религиозных преследований христианин, иудей, магометанин и буддист всегда будут чувствовать себя ближе друг к другу и будут лучше понимать друг друга, чем в наше время, когда религиозные преследования стали реальностью, чему можно найти немало убедительнейших примеров в жизни.

Помимо того, солидаризм вовсе не собирается делать православие государственной религией, ибо, говоря в плане юридическом, все религии, поскольку они не проповедуют человеконенавистническую мораль, должны быть равны перед лицом закона.

Но как конкретная жизнь не исчерпывается соблюдением или нарушением юридических норм, так и вопрос о религиозном или безрелигиозном основании солидаризма выходит за рамки чисто юридического его понимания.

Солидаризм за терпимость (в том числе религиозную), но он против равнодушия к истине, которое столь часто скрывается под маской терпимости. А идея терпимости (в ее чистой, не «согласительской» сущности) – христианского происхождения. Ссылки на религиозный фанатизм не могут поколебать истинности этого положения, ибо готовый прибегнуть к насилию фанатизм есть искажение христианского духа. Вообще, в рассуждениях о христианстве слишком многие совершают ошибку, на которую столь блестяще указал в свое время Соловьев в своем докладе «Об упадке средневекового миросозерцания», а именно: смешение христианства с клерикализ-

мом, церкви мистической и земных ее воплощений, зараженных земными слабостями и пороками человека¹.

Средневековое миросозерцание с его воинствующим клерикализмом не приемлемо ни с точки зрения подлинного христианства, ни с точки зрения психологии современного человека, и не возврата к новому средневековью желает солидаризм.

Лица, отрицающие христианство как основу солидаризма, стоят обыкновенно на позитивистской платформе, считая, что именно позитивизм является философской подоплекой демократии, в то время как идеализм порождал на практике «авторитарный» строй.

Оставим в стороне вопрос о теоретической слабости позитивизма: его непродуманную гносеологию, его механистические методы и ряд других вторичных его постулатов, преодоленных современной философской культурой. Для нас важно, что в своей практической проекции позитивизм не может дать удовлетворяющего разум и совесть ответа на вопрос о конечном смысле жизни по той простой причине, что он считает неразрешимыми и бессмысленными вопросы о конечных причинах и целях. Иначе говоря, позитивизм означает на практике торжество секуляризма. Земное благо – индивида или общества – и утилитарно понятая польза являются здесь главными мотивами поведения.

Говорить о служении позитивист может, лишь принеся в жертву последовательность. Религию последовательный позитивист должен сводить только к ее моральному содержанию, а это последнее – к пользе и земному благу, то есть к утилитаризму, хотя бы и «просвещенного» типа. Позитивизму легко быть «терпимым» к религии именно потому, что сам он – безрелигиозен и понятия добра и зла для него могут быть лишь условными обозначениями для «истинной пользы» или «истинного вреда», причем предикат «истинности» здесь тоже условен, ибо само понятие «истинности» молчаливо заменяется прагматическим понятием «теоретической пользы» (пользы для науки).

Эвдемонизм и утилитаризм являются последним словом позитивизма в области этики. Нравственные же понятия более высшего порядка будут для него лишь «фразеологией» возвышенного стиля (в таком качестве позитивист готов допустить и мораль, и религию). Следовательно, последним смыслом солидарности будет здесь общественная польза – вполне благонравное и не вызывающее возражений, но по существу ничего не говорящее сочетание понятий. Ибо польза, по смыслу слова, есть понятие относительное, получающее свой конечный смысл от того, в каком отношении оно употребляется, то есть по отношению к некоему Абсолютному (или принимаемому за таковое). А «что же есть относительное, как не то, что относится к Абсолютному» (Владимир Соловьев)².

Таким образом, последовательному позитивисту не уйти от вопроса, имеет ли он в виду моральную пользу или обслуживание потребностей и прихотей индивида и общества, которое должно пониматься как простая сумма индивидов. Для последовательного позитивиста-солидариста братство и служение будут только сло-

¹См. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. М., 1988, т.2, с.339-350.

²См. там же, т.1, с.441-442.

вами, прикрывающими собой ту же общественную пользу, пустоту понятия которого мы только что показали. И сам солидаризм при этом превратился бы в весьма расплывчатую идею и лишился бы пафоса служения Богу через соборное служение человечеству и служения человечеству через служение нации, в котором заключается подлинный смысл его бытия. Не трудно предвидеть, что такой солидаризм потерял бы свою духовную монолитность и, вероятно, привел бы в конце концов к идеологическим и политическим расколам, так как он уклонялся бы от решения вопросов, без ответа на которые ни целостный разум, ни цельная совесть не могут примириться с собой. Гонимая за мнимой всеобъемлемостью, солидаризм схватил бы пустоту.

Движение, которое идет бороться со злом ради построения нового, нравственно-полноценного общественного порядка, под знаком творческой идеи нашего будущего, должно иметь свое собственное идеологическое лицо, а не только сумму благонравных постулатов. Солидаризм стремится к синтезу, а не к безличному «нашим и вашим». Он должен иметь свое «кредо», а не общее место, он должен быть проникнут идейно-революционным пафосом. Эволюция же в сторону позитивизма неизбежно приведет солидаризм к идеологической стерилизации.

Солидаризм должен иметь свою определенную культурную генеалогию, а не ставить на одну доску Чернышевского с Достоевским. В этом отношении солидаризму нечего стыдиться, что он, может быть, невольно продолжает традиции культурного славянофильства: идея целостного знания Киреевского и идея соборности Хомякова³ еще ждут своего социальнозначимого раскрытия. Преклоняясь перед моральной чистотой Чернышевского, мы должны всячески отмежеваться от его мировоззрения, представляющего собой догматизированные перепевы западного материализма и атеизма.

Мы не можем принять политической программы славянофильства, представляющей собой смесь утопии с реакционным консерватизмом. Но мы тем менее можем принять идеологию наших западников, материализм или позитивизм, которые означают философскую реакцию. Зато мы должны стремиться синтезировать философию и историософию славянофильства с истиннодемократическими стремлениями на Западе. Владимир Соловьев первый указал на возможность такого синтеза, хотя его теократическая утопия для нас неприемлема.

Одним словом, если в области политической борьбы нужно сочетать непримиримость с эластичностью в вопросах тактики, то в области идеологии мы должны быть разборчивее и не бояться иметь свое индивидуальное лицо. Мы видим опасность скорее в обратной крайности: в политическом доктринерстве при крайне неразборчивой «всеприемлемости» в области мировоззрения и идеологии.

Более углубленный анализ мог бы показать, что российский солидаризму свойственны черты, непосред-

ственно связанные с особенностями православной формы христианства. Не случайно, например, идея соборности, социальной проекцией которой является солидарность, была сформулирована Хомяковым и не получила развития в католической мысли, хотя к ней весьма близко подошел Моллер. Однако социально-политическому движению нет необходимости подчеркивать свою конфессиональность. Слишком подчеркнутый конфессионализм грозит выразиться в нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим.

Стопроцентная конфессиональность необходима в богословии, но не обязательна в философии, тем менее в социальной философии. С другой стороны, полный отрыв от конфессиональности грозит выродиться в холодный и абстрактный деизм, признание только идеи Бога, от чего лишь один шаг до атеизма. Поэтому сознавая укорененность христианской морали в христианской мистике, ибо вне мистики всякая религия вырождается в холодное морализирование, солидаризм подчеркивает именно моральную сторону христианства, где между католичеством, протестантством и православием есть различия, но нет непримиримых расхождений. Ибо, повторяю, солидаризм есть светское учение, хотя и вырастающее непосредственно из религиозных корней.

Смещение границ Божьего и Кесарева идет на пользу Кесарю. Поэтому солидаризм – за разграничение духовной и светской сфер, но он против отрыва светской культуры от культуры духа. Поэтому же солидаризм за отделение церкви от государства, но за признание духовного водительства церкви в области высших нравственных вопросов.

Умолчание о христианстве или одно «положительное» отношение к христианству может быть иногда оправдано по тактическим соображениям, но в нашей идеологии не место подобным умолчаниям и полупризнаниям, мы должны не подлаживаться под атеистические или агностические предрассудки, порожденные в свое время уже изжитым теперь заблуждением о несовместимости науки и религии, а иметь мужество открыть наше идеологическое забрало.

Открытым исповеданием христианства как своего духовного корня и новоутверждением идеализма мы, может быть, оттолкнем от себя многих, зараженных предрассудками нашего века (вернее, пережитками прошлого века, ибо современная философская культура преодолевает материализм и атеизм), но, наверное, привлечем на свою сторону еще большее число людей, ищущих христианского миропонимания.

Это отнюдь не будет значить, что для позитивистов у нас нет места, ибо мы – за терпимость. Но идти в бой под знаменем позитивизма – значит обречь себя на идеологическое поражение.

Равнодушие к морали и религии не может дать сил и пафоса для борьбы с религией зла. И говорить об общественной пользе в дни, когда «дьявол явился без маски в мир», когда последняя страшная борьба идет за человеческие души, значит махать картонным мечом, вместо того, чтобы выковывать мощное идейное оружие для борьбы с мировым злом, свившим себе осиное гнездо на просторах нашей многострадальной Родины.

³По мнению И.В. Киреевского, односторонне рассудочному западному человеку противостоит человек русской культуры, носитель целостного сознания. Подробнее см.: Русская философия. Словарь. М., 1995, с.224-225. Об идее соборности у Хомякова см. прим. 3 к статье «Солидаризм как социальное мировоззрение».

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев

СОЛОВКИ 1928-31

ЧТО ТАКОЕ «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»?

Этот термин, заимствованный из названия книги А.И.Солженицына, прочно вошел в наш обиход. Но что такое «ГУЛАГ» и что такое «Архипелаг»? ГУЛАГ - это маленькое учреждение, Главное управление лагерей, помещавшееся на первых двух этажах печально знаменитого дома на Гороховой. В огромном подвале, окна которого были забиты, постоянно звучали выстрелы - там шли расстрелы.

Сегодня в понятие «ГУЛАГ» мы вкладываем совсем иной смысл - объединение всех лагерей, как бы государство в государстве. А в свое время это было только управление лагерей, которое занималось доставкой продовольствия и подбором кадров для работы в лагерях. Этот подбор осуществлялся весьма своеобразно. Например, все время не хватало бухгалтеров. Людей этой профессии очень трудно было в чем-то обвинить - они, как правило, сидели в своих конторах и молча занимались работой. Тогда без всяких оснований арестовывали бухгалтеров, живших поблизости от Гороховой или от Литейного, 4, где помещалось ОГПУ, и отправляли на стройки ГУЛАГа - эти «замечательные стройки нашего светлого будущего - коммунизма», развернувшиеся по всей стране благодаря инициативе партии, правительства и, как тогда говорили, «лично товарища Сталина».

В самый разгар работы над своими сочинениями по истории лагерей ко мне приехал Александр Исаевич Солженицын. Мы с ним работали три дня. Я ему дал свои записки по истории Соловков и рассказал о главном палаче Соловецкого лагеря латыше Дегтяреве, который, никому не доверяя, лично расстреливал заключенных, получая от этого большое удовольствие. В лагере его называли «главным хирургом», а сам себя он пышно именовал «начальником войск Соловецкого архипелага». Александр Исаевич воскликнул: «Это то, что мне нужно!» Так в моем кабинете родилось название его книги «Архипелаг ГУЛАГ».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНИКИ

Соловецкий лагерь образовывался как лагерь для белогвардейцев и заключенных из военных. Но потом туда стали присылать главным образом мелких воров и малолетних преступников. Известны даже случаи, когда в Москве объезжали паперти церквей, арестовывали без разбора всех нищих и отправляли на Соловки, а там уже узнавали их фамилии. И только позднее Соловки

стали местом ссылки политических заключенных.

Во время нашей встречи с А.И.Солженицыным я никак не мог объяснить ему некоторые вещи. Когда я включил магнитофонные записки воровских песен и начал рассказывать о достаточно мирных взаимоотношениях политических заключенных с уголовниками, о том, как я не раз спасал воров, а они меня, он страшно возмутился: «Как это можно? Воры - это же не люди, это нелюди». Для него уголовники были людьми совершенно отпетыми, он их не признавал. Мне стоило большого труда убедить его, что на Соловках в конце 20-х годов не было войны между уголовниками и каэрами («каэрами называли политических заключенных, иначе говоря, контрреволюционеров»), такой войны, которая развернулась позднее в его «шарашках».

Нельзя же всерьез воспринимать, например, такой эпизод. Когда мы готовились к отправке на Соловки, нас втиснули на пересыльном пункте вместе с уголовниками, и те, снимая с себя вшей, щелчками обстреливали ими нас. Я и мои спутники уже через десять минут были покрыты вшами.

С другой стороны, когда нашу группу молодежи грузили на пароход «Глеб Бокий», домушник, специалист по взлому квартир Овчинников тихо сказал: «Ни в коем случае не идите в трюм. Стойте здесь, на палубе». Этим он спас нам жизнь, потому что, когда мы прибыли на Соловки, из трюма выносили уже трупы - люди задохнулись там от духоты. Овчинников уже бывал на Соловках и бежал оттуда. Его поймали, избили до полу-смерти и вновь отправили на остров. Там он был избит вторично, да так, что попал в санитарную часть. Я навещал его, носил хлеб, махорку. Потом след его простыл.

Забегая вперед, скажу, что второй раз от верной гибели меня спас тоже уголовник, глава всех урок на Соловках Иван Яковлевич Комиссаров. Дело в том, что мой хороший знакомый Александр Иванович Мельников, в прошлом флаг-капитан Керенского, служивший делопроизводителем в административной части, выхлопотал для меня специальный пропуск, который позволял покидать территорию лагеря. Этот пропуск меня очень выручал - я мог вырываться из этой толпы уголовников и совершать незаконные прогулки по всему острову.

И вот в один прекрасный день этот пропуск у меня пропал. Если бы пропажа обнаружилась, меня отправили бы в карцер, откуда редко кто выходил живым. С Комиссаровым мы сидели в одной камере, и я попросил его: «Прикажите уголовникам, чтобы они вернули мне

Конвоирование заключенных на теплоход «Глеб Бокий», отплывающий на Соловецкие острова. Кемь, 1937 г.

Бригада женщин на Беломорканале. 1932 г.

пропуск». Он ответил: «Я ничего не могу сделать». Но через три дня я нашел пропуск у себя в кармане. Я бросился к Комиссарову: «Спасибо, Иван Яковлевич!» А он говорит: «Я тут ни при чем. Я ничего не знаю».

ОФИЦЕРЫ И ЧЕКИСТЫ

На Соловках не было явного конфликта между политическими заключенными и уголовниками, но зато шла другая война, продолжавшаяся несколько лет. Те, кто стоял во главе лагерей, были никудышними организаторами. Они не могли обеспечить ни снабжения лагеря продовольствием, ни элементарного размещения людей. Поэтому всем этим стали заниматься сами заключенные из офицеров. Они разбили людей на роты, выполняли канцелярскую работу, организовали административную часть.

Во главе другой части - информационно-следственной (ИСЧ) - стояли бывшие чекисты, осужденные за служебные преступления. Когда я в 1928 году попал на Соловки, между административной частью и информационно-следственной шла самая настоящая война. Однажды офицеры адмчасти ворвались в помещение исчасти, вскрыли с помощью уголовников несгораемый шкаф, вытащили оттуда списки всех информаторов, осведомителей, стукачей и этап за этапом стали отправлять их с Соловков на Кондостров, где условия жизни были несравнимо тяжелее. И бывшие чекисты из ИСЧ ничего не могли поделать.

«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»

Первое время на Соловках я жил в 13-й роте общих работ. Там у меня было место под нарами, потому что на нарах мест уже не было - барак был переполнен. После общих работ со всеми их ужасами я начал работать в криминологическом кабинете, где занялся изучением малолетних преступников и отбором их для трудовой колонии.

В криминологическом кабинете Соловков собрался цвет петербургской интеллигенции. Возглавлял его бывший царский прокурор Александр Николаевич Колосов.

Вместе с ним работали бывший революционер, философ Александр Александрович Мейер, арестованный по шумевшему делу кружка философов «Воскресенье», преподаватель Пединститута имени Герцена Александр Петрович Сухов, Ксения Анатольевна Половцева, доктор университета Сорбонны, Юлия Николаевна Данзас, в прошлом фрейлина при дворе Александры Федоровны, и еще целый ряд очень интересных людей.

Попав в криминологический кабинет, я сразу оценил обстановку и решил записывать все интересное. Еще в роте общих работ, находясь среди уголовников, я начал изучение уголовных игр, занялся составлением словаря воровского языка, вернее, жаргона. В криминологическом кабинете к этому добавилась работа с альбомами заключенных.

У многих уголовников в то время были альбомы, куда они заносили любимые стихи, изречения, делали автобиографические записи. При «шмонах» эти альбомы отбирались и передавались в наш кабинет. Через мои руки прошло более ста таких альбомов.

Что же чаще всего писалось в них? Прежде всего переписывали стихи Сергея Есенина. Они трогали душу воров, урок. Особенно ценилось и лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...» Тема одиночества вора в грубом, несправедливом мире волновала всех. «Один» - это очень важно. Но в альбомах можно было прочитать и автобиографии владельцев, и самодеятельные, неумелые стихи.

Среди этого множества альбомов один был совершенно замечательный. Написанный то стихами, то рифмованной прозой, он представлял собой автобиографию вора с замечательными талантливыми рисунками примитивистского характера. Это были яркие, выразительные аппликации, в которых автор резко выделялся на фоне описываемых событий. Меня поразили некоторые рифмы. Скажем: «Выхожу, и шел дождик. Смотрю, стоит один извозчик». Автор этого извозчика нанял и поехал «на дело». Выдержки из этого альбома были в 1930 или 1931 году опубликованы в издававшейся в Кемь газете «Новые Соловки».

Труд заключенных на Беломорканале. 1932 г.

«НЕТ В МИРЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ!»

Кроме официального задания по организации колонии малолетних преступников, меня чрезвычайно интересовало, как уголовники оправдывают свои действия. Ведь ни один вор, ни один бандит не считает, что он поступает плохо, у него есть определенная философия, очень примитивная, но все-таки философия.

Об этом я знал еще до Соловков, по Петербургу. У меня были знакомые, входившие в Клуб анархистов, размещавшийся на деревянной даче Дурново, что и сейчас еще стоит за забором на берегу Большой Невки. Сначала это был клуб интеллигентных, идейных анархистов, потом все чаще там стали появляться уголовные элементы, и наконец, клуб превратился в притон бандитов и грабителей. За наиболее успешные ограбления выдавали ордена. Они были очень похожи на Георгиевский крест, но посередине вместо Георгия Победоносца красовалась тарелка, на тарелке курица, а в курицу была воткнута вилка. На обороте вместо монархического девиза стоял девиз анархический: «Нет в мире справедливости!»

Этот девиз знал каждый уголовник и действовал соответственно этому девизу - в мире справедливости нет и надо ее восстановить. И они «уравнивали» имущественное положение граждан, «экспроприруя» богатых. Себя уголовники считали борцами за справедливость, поэтому так ненавидели «мокрушников» - убийц.

Самое ужасное было то, что этой философией «восстановления справедливости» были заражены 14-15-летние подростки. Я записывал рассказы о их жизни и ходил словно пьяный от этих страшных историй. Они, конечно, преувеличивали свои подвиги и говорили мне: «Ну, что вы записываете, мы ведь вам все врем». Я отвечал: «Я знаю, что вы врете, но меня и интересует, почему вы врете».

Но были подлинные трагедии ребячьих судеб. Особенно меня поразил подросток по фамилии Церетели. Его отец, известный философ, находился в белой эмиграции, а сын оказался в числе беспризорных, притом

совсем уже «занюханных», то есть нюхавших кокаин и становившихся совершенно невменяемыми.

Все это я записывал, но записывал в условном, зашифрованном виде, не упоминая имен и фамилий. По возвращении из лагеря эти записи я расшифровывал. Они изданы в Северодвинске и войдут в книгу воспоминаний, над которой я сейчас работаю.

«БУРЕВЕСТНИК РЕВОЛЮЦИИ» НА СОЛОВКАХ

Администрация Соловков очень заботилась о придании лагерю видимости исправительного, особенно перед приходом Горького. Начал выходить журнал «Соловецкие острова», были организованы театр, музей и другие культурные учреждения. И все это, чтобы Горький мог убедиться, что никаких зверств на Соловках не происходит.

Я видел Горького в Соловецком лагере и отлично знаю, что он все видел и знал, что там происходит. Один мальчуган рассказал ему об истязаниях, о том ужасе, который творится в лесу.

Я попал в лес под предлогом отбора малолетних преступников для детской колонии, на самом же деле, чтобы спасти их. Мне было бесконечно жалко этих детей. Там я заболел, у меня открылось страшное язвенное кровотечение.

То, что я там видел, не поддается описанию. Заключенных, особенно басмачей из Средней Азии, не понимающих ни слова по-русски, не умеющих работать (дома за них работали женщины), в шелковых халатах и высоких сапогах, как они были арестованы, загоняли в лес, давали на сто человек две-три лопаты и заставляли среди камней рыть канавы. В этих канавах вдоль стенок сооружалось некое подобие лежанок, а покрывалось все это бревнами, ветками и лапником. Я попал в лес весной. Канава, в которой жили заключенные, наполовину была заполнена водой, с «потолка» капало, потому что шел дождь и таял снег. Похожий эпизод есть в романе Б.Пастернака «Доктор Живаго», но менее страшный, чем то, что видел я.

Горький, конечно, этого не видел, но знал по рассказам заключенных. Однако, вернувшись в Москву, в 1930 году в журнале «Наши достижения»(!) он опубликовал восторженный очерк о соловецких чекистах, помня их теплый прием и поверив, очевидно, обещаниям, что режим в лагере будет изменен.

ФОЛЬКЛОР СОЛОВКОВ

С Соловецких островов мне удалось вывезти две тетради. Вернее, одну тетрадь я передал через отца. Он у меня был смелый человек: не только добился свидания со мной, приехал в Соловецкий лагерь, но и взялся вывезти на волю мою тетрадь, рискуя получить за это срок. Вторую тетрадь я вывез сам уже с Беломорско-Балтийского канала, куда был переведен с Соловков. На канале я был железнодорожным диспетчером и освобожден в 1932 году без всякого обыска. В этой второй тетради было немало записей лагерного фольклора.

Разумеется, заключенным, которые были на общих работах в лесу, на торфяных разработках, в этих ужасных условиях было не до фольклора. Спрашивать их об

этом было нелепо, даже кощунственно. Фольклор Соловков существовал только в пределах самого монастыря, где были более сносные условия в силу показухи, или, как говорили зеки, «туфты», которую устраивало начальство для гостей.

Прежде всего это были песни. Песни разные. Вроде такой:

*В Фонарном переулке труп убитого нашли.
Он был в кожаной тужурке с большой раной на груди...
Он лежит и не дышит на холодной земле.
Двадцать девять ран имеет на усталой голове...*

Далее в форме баллады разворачивается драматический сюжет гибели героя. Это пример воровского фольклора царских тюрем и ссылок, который еще существовал на Соловках в конце 20-х годов.

Бытовали песни литературного происхождения, исполнявшиеся популярными в те годы певцами и, в первую очередь, Леонидом Утесовым: «Гоп со смыком это буду я...», «Мы со Пскова два громилы...»

Немало песен, куплетов, частушек появилось непосредственно на Соловках. Их рождение связано, прежде всего, с именем Бориса Глубоковского.

Борис Глубоковский, в прошлом актер театра Таирова, развернул на Соловках бурную деятельность. Он возглавлял журнал «Соловецкие острова», лагерный театр, поставил замечательный спектакль «Соловецкое обозрение», для которого написал десятки текстов на мелодии из оперетты «Жрица огня»:

*«Соловки открыл монах Савватий,
Был наш остров нелюдим и пуст...»*

«Соловецкое обозрение» продолжалось более 3 часов и завершалось финальной песней «Соловецкие огоньки», которую заключенные пели в темноте с фонариками в руках:

*«Соблюдая кодекс трудовой,
Охраняет наш милый конвой,
И гоняет с зари до зари
Нас с высокой Секирной горы...»*

Песни, звучавшие в спектакле, были иронические, высмеивающие намерения начальства изобразить лагерь как исправительное заведение, ставившее цель перевоспитать заключенных:

*«И от нежной, душистой трески
Соловчане не знают тоски...»*

А заканчивалось представление тем, что:

*«Когда-нибудь снежной зимой
Мы сберемся веселой толпой,
И начнут вспоминать старики
Соловки, Соловки, Соловки».*

«Соловецкие огоньки» вышли за пределы лагеря, их пели и в Петрограде, и в Москве, помнили спустя десятилетия после освобождения. Мелодия песни была оригинальной. В лагере были и музыканты: талантливый петроградский дирижер и композитор Вальберт, музыковед из Тифлиса армянин Ананье.

На той же сцене соловецкого театра исполнялись частушки тоже иронически-насмешливого тона:

*«Соловки на Белом море,
Пароход, Нева.
Там грузят одни баланы*

И пилят дрова.

Музыка и спорт.

Чем же не курорт?»

«Курортные» условия Соловецкого лагеря были прекрасно известны тем, кого на этот «курорт» отправляли не по своей воле, и встречались частушки зеками грустной ухмылкой.

Поэты Шепчинский и Юрий Казарновский писали стихотворные пародии. Они были напечатаны в «Соловецких островах» и частично перепечатаны в наши дни Е.Евтушенко в «Огоньке».

Смех, веселые куплеты, пародии, частушки в тех тяжелых условиях были очень нужны: они успокаивали психологически, давали силы, многих возвращали к жизни.

Начальство на Соловках было чрезвычайно жестоким. Скажем, за разорение гнезда чайки (а чайки были приучены монахами не бояться людей) заключенных расстреливали. А крамольные песни и частушки пропускались. Почему? Показывая постоянно приезжающим из Москвы комиссиям самодетельное творчество зэков и видя благосклонное отношение гостей, малограмотное местное начальство позволяло заключенным такую вольность. Естественно, ни в одном театре Советского Союза спектакль, подобный «Соловецкому обозрению», не мог быть поставлен.

ИДЕАЛЬНЫЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ - ПЬЯНИЦА

Нравы Соловков поражали своей контрастностью, особенно это касалось пьянства. Трезвому не прощалось ничего, пьяному прощалось все. Например, начальник нашей криминологической лаборатории Бедряга, пришедший после Колосова, очень любил выпить. И доставал спиртное одному ему известными способами. Однажды, будучи пьяным, забрался на царскую часовню (которая уже в наши дни была уничтожена помещавшейся в монастыре школой юнг) и начал звонить в царский колокол. В другой раз он явился в переполненный театр одетый в полную пожарную форму, в каске, с фонарем на груди и топориком в руке и закричал: «Пожар!» Поднялась паника. Начальство смеялось: «Какой молодец!» Ему все было прощено, он даже не получил карцера. Почему? Потому что пьяница и сделал это в пьяном виде. Пьяница – это какой-то идеал был на Соловках.

Все прощалось и уже упоминавшемуся Борису Глубоковскому. Он всегда был в центре любого веселья, умел веселить. В прошлом Глубоковский был другом Есенина и организатором развлечений Сергея Александровича (он часто вспоминал о проделках Есенина и своих). Когда приезжала комиссия из Москвы, например, с Глебом Бокием и Катаньяном, прежде всего, конечно, устраивалось застолье, во время которого Глубоковский веселил гостей. А потом шли смотреть «Соловецкое обозрение». Глубоковский, изрядно подвыпивший, выходил на сцену и, указывая пальцем в зрительный зал, где в первом ряду сидели высокие московские гости, обращался к актерам-заключенным: «Пойте так, чтобы этим сволочам вас жалко стало». И эти «сволочи» ему все прощали, потому что пьяница. Вот такая атмосфера была на Соловках!

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СОЛОВКОВ

Это то, что бросалось в глаза. Но одновременно внешне незаметно шла другая жизнь. Я уже упоминал, что в Соловецком лагере было много интеллигенции, в частности поэтов - Панкратов, Казарновский, Евреинов. Некоторые из них вернулись из белогвардейской эмиграции на родину и, конечно, сразу были арестованы. В том числе и первоклассный поэт Владимир Кименский. Его настоящая фамилия была Свешников. Он поссорился со своим отцом - полковником царской армии, не желавшим отпускать сына в Советский Союз, поэтому он принял фамилию своей матери.

Поэтическая молодежь тогда жила стихами Баратынского и только что вышедшего сборника О.Мандельштама «Камень».

Интеллигенция в условиях Соловков не сдавалась. Она жила своей, часто скрытой от посторонних глаз, духовной жизнью, собираясь и обсуждая разные фи-

лософские проблемы. Помню выступления А.А.Мейера, воспоминания Ю.Н.Данзас об императорской семье, позднее на Беломорско-Балтийском канале рассказы А.Ф.Лосева. Это были очень интересные люди. Например, художник Прасс, написавший лучший портрет Чехова. Выйдя на свободу, он уехал в Париж и вскоре умер.

Заключенные поддерживали друг друга, помогали. Александр Александрович Мейер на Соловках работал над своими философскими статьями, и в частности, над размышлениями о «Фаусте». Текст Гёте ему подавал Гаврила Осипович Гордон, человек энциклопедических знаний, помнивший всего «Фауста» наизусть на немецком языке. Философские статьи А.А.Мейера опубликованы в 1981 году в Париже.

Это были исключительные, замечательные люди, и я считаю своим долгом помнить их и рассказать о них.

Записал С.Кастельский.

Архимандрит Никон (Лысенко)

КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ В ТАГАНРОГЕ

Десять лет назад, в 1992 г., Архиерейский Собор Русской Православной Церкви своим определением установил совершать празднования в честь новомучеников и исповедников Российских, прославленных в лике святых угодников Божиих, 25 января (7 февраля нов. ст.) в случае совпадения этого числа с воскресным днем или в ближайшее воскресенье после него. В тот же воскресный день, за вечерним богослужением об упокоении со святыми православных христиан, в лютую годину гонений скончавших жизнь за веру и Церковь, совершается торжественная панихида и прославление в слове священной их памяти.

О том, кого должно отнести к числу православных за веру и Церковь, принявших в годину гонений мученическую кончину, ясно говорил Святой Патриарх Тихон в своем архиерейском послании от 19 января 1918 г.: «Гонения воздвигли на Истину Христову явные и тайные враги сей истины, и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово... и всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани... Ежедневно доходят до нас известия об ужасах и зверских избиениях ни в чем не повинных, даже на одре болезни лежащих людей, виновных разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному...»¹. Слова эти могут быть достойной эпитафией мужественно принявшим мучения и страшную смерть в городе Таганроге 17–22 января 1918 г. офицерам, юнкерам, студентам, гимназистам. Их было более двухсот человек...

Случаи кровавых расправ анархической массы «революционных» солдат и матросов над офицерами, юнкерами, чиновниками, священнослужителями и прочими «буржуями» и «контрой» имели место и до таган-

рогских событий января 1918 г. Однако эти эпизоды (при желании) могут быть отнесены к «эксцессам», явившимся следствием «разгула революционной стихии». Исторические данные о том, что произошло в Таганроге в конце января 1918 г., свидетельствуют, что безмерная жестокость, вероломство и наглая ложь в оправдание совершенных злодеяний были употреблены как средства «революционной борьбы» сознательно и были делом рук не анархической толпы, а партийной организации. Они впервые обнаруживают преступный «почерк», многократно затем прописанный в истории Гражданской войны, как, впрочем, и в общей истории XX столетия.

Город Таганрог входил в состав Области Войска Донского с 1888 г. Казачье самоуправление было легитимной властью. Войсковое Правительство с 25 октября 1917 г. «ввиду прекращения сообщения с центральной государственной властью, впредь до восстановления законной власти и порядка в России», приняло полностью исполнительную власть на себя.

Однако в Таганроге, как и в Ростове, продолжали легально действовать Совдепы и Военно-революционные комитеты. Второго декабря 1917 г. на совещании РВС Таганрога социалистами была предложена резолюция: «Проявить все усилия, чтобы предотвратить гражданскую войну в Таганроге, для которой нет никаких данных»². В ответ на это большевик Антон Глушко зачитал свою резолюцию, в которой говорилось: «Неверно утверждать, что в Таганроге нет данных для гражданской войны. Представители эсеров и меньшевиков не хотят видеть, что военное положение, введенное Калединым, проводится с настойчивостью... Абсолютно нет никаких гарантий, что завтра Каледин не станет громить ра-

бочих Таганрога»³. После этого социалисты ушли из ВРК, что касается коммунистов, то их организация «целиком и полностью перенесла свою работу на заводы и там развила максимум деятельности по подготовке восстания»⁴. Следует отметить, что, несмотря на военное положение и «нависшую угрозу белого террора», по свидетельству члена ВРК И. Зайцева, «совещание, обсуждавшее конкретный план восстания, проходило в самый его канун в театре «Аполло»⁵, находящемся не более чем в 200 метрах от «штаба контрреволюции» — гостиницы «Европейская».

Со стороны Каменноугольного района, по линии железной дороги на Область Войска Донского наступала группировка под командованием бывшего прапорщика Сиверса в составе 3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков, двух интернациональных бригад, состоящих из немцев и мадьяр, отряда балтийских матросов, петроградских рабочих — всего около 10 000 штыков и сабель при 10 тяжелых и 36 легких орудиях и двух бронепоездах⁶.

Гарнизон Таганрога в первых числах января 1918 г. составляли юнкера 3-й Киевской школы прапорщиков, начальником которой был полковник Мастыко, начальником штаба — штабс-капитан Левицкий. Эта часть не входила в состав Добровольческой Армии, а подчинялась штабу Войскового Атамана А.М. Каледина. Численность личного состава школы прапорщиков была около 200 человек. Следует прибавить к этому числу еще несколько десятков добровольцев из учащейся молодежи Таганрога. Запись в добровольческую дружину производилась по призыву «Блока среднеучащихся» и «Организации социалистического студенчества»⁷.

Самым крупным предприятием в городе был Русско-балтийский механический завод, эвакуированный из Риги в 1915 г. и укомплектованный в основном рабочими-латышами. Численность их была свыше 12 000, и «они быстро заняли руководящее место в основной рабочей массе»⁸.

То обстоятельство, что на Таганрог наступали полки латышских стрелков, а в городе их ожидали тысячи рабочих-латышей, которые, как и их сородичи из армии Сиверса, не любили русских и ненавидели историческую Россию, является, по сути дела, ключом к пониманию феномена «вооруженного восстания таганрогских рабочих».

«Решительно по всем заводам были созданы сильные боевые дружины... на каждом заводе был создан военно-революционный комитет, и каждый из них самостоятельно пытался установить связь с Сиверсом»⁹ — сообщает И. Зайцев.

Очевидно, что день и час мятежа был согласован с командованием Красной армии Сиверса. Впрочем, все четверо суток, пока шли бои в Таганроге, красные с севера даже и не пытались наступать — «они все еще не могли прийти в себя после разгрома 12 января под Некиновкой отрядом полковника А. П. Кутепова»¹⁰.

Начало боевых действий было положено нападением рабочих Котельного завода на караул, выставленный Школой прапорщиков у гарнизонного продоволь-

ственного склада, где хранилась мука, близ того же завода. В перестрелке был убит рабочий Яков Валиков. Рев заводских гудков послужил общим сигналом к восстанию. Его центром стал Русско-Балтийский завод, во главе стояли Стернин, большевистский активист, прибывший из Петрограда¹¹, и Росликов.

Соотношение сил не давало полковнику Мастыко возможности для активных наступательных действий. Взвод юнкеров с одним пулеметом занял оборону на вокзале станции Таганрог, другой взвод использовал в качестве опорного пункта обнесенное деревянным забором здание казенного винного склада (спиртозавода) по ул. Камышанской (ныне Социалистическая). Остальные два взвода укрепились в центре города, в зданиях Коммерческого клуба и гостиницы «Европейская».

В ночь с 17 на 18 января анархист-коммунист Н.Ткаченко и с ним около 30 человек проникли по крышам сараев в подворье дома хлеботорговца Жеребцова по ул. Николаевской, 70 (ныне ул. Фрунзе), где под охраной команды увечных воинов находился склад оружия «разошедшегося по домам» Запасного Заамурского кавалерийского полка. Ткаченко с анархистами вырезали караул, нагрузили оружием прибывший с Русско-Балтийского завода автомобиль, отравили его обратно на завод. Через некоторое время озабоченный задержкой автомобиля, который должен был вернуться за новой партией оружия, Ткаченко стал звонить из дома Жеребцову на завод и торопить товарищей с отправкой машины. По-видимому, он был к тому времени уже изрядно пьян, т.к. не понял, что отвечал ему не «товарищ с Руссо-Балта», а офицер команды юнкеров, занимавших телефонную станцию. В дом Жеребцова был послан наряд, который взял 12 анархистов и транспортировал их в гостиницу «Европейская». Причем, как свидетельствует советский автор Г. Пономаренко¹², Ткаченко и еще четверо по дороге так и не пришли в себя. По версии Пономаренко — они были оглушены. По сохранным устным преданиям воспоминаниям современников — пьяны. Во всяком случае, трудно представить себе, чтобы отряд хорошо вооруженных анархистов, «пошедших на дело», мог быть «в одну минуту оглушен и связан»¹³ без единого выстрела. Взятые на месте преступления убийцы караульных инвалидов были приговорены военно-полевым судом к расстрелу и расстреляны в ту же ночь во дворе гостиницы. Этот расстрел советская литература именует «зверской расправой».

Второй день боев в Таганроге, 18 января 1918 г., ознаменовался большим ожесточением. Большевикам, осаждавшим склад, удалось поджечь запасы спирта, хранившиеся в его подвальных помещениях. Здание охватило огонь. По данным В.Е. Павлова, в огне и при попытке прорыва из здания склада бывшие там юнкера, офицеры и гимназисты погибли все¹⁴.

Оборона вокзала другим взводом Школы прапорщиков продолжалась 17, 18 и 19 января. В середине третьего дня осады большевики проявили «рабочую смекалку»¹⁵: разогнав на привокзальных путях паровоз с двумя прицепленными к нему вагонами, наполненными

«горючим материалом» — дровами, пустили его на перрон вокзала с расчетом, что он разрушит здание. Расчет не удался. Паровоз на перрон выскочил, но стены вокзала не достиг. Атака красногвардейцев на «опешивших юнкеров»¹⁶ была успешно отбита.

Полковник А. П. Кутепов узнал о большевицком мятеже в Таганроге, по-видимому, только 19 января. На помощь юнкерам была переброшена 1-я офицерская рота 2-го офицерского батальона под командованием капитана Чернова¹⁷. Ее 1-й взвод прорвался на вокзал. Наступать в центр города капитан Чернов, однако, не решился¹⁸. Перед рассветом 12 января офицерский взвод и взвод Школы прапорщиков, взяв тела 5 убитых¹⁹ и забрав раненых, отступили на станцию Марцево, где соединились с 1-й офицерской ротой. Возможно, отказ от атаки в центр города был связан с надеждой на то, что по условию заключенного 19 января перемирия (об этом речь впереди) полковник Мاستыко со своими людьми сможет беспрепятственно покинуть город.

Основные силы Школы прапорщиков, около 150 человек, ночью с 18 на 19 января, оставив здания Коммерческого клуба и телефонной станции (ул. Николаевская), сосредоточились в гостинице «Европейская» на ул. Петровской. По-видимому, утром 19 января к полковнику Мастыко обратились представители Таганрогского Совета и члены Войскового Правительства от Социалистических партий эсеров и РСДРП (м) с предложением о заключении перемирия. Авторы советских исторических работ с подозрительным усердием доказывают, что никаких условий перемирия большевики не принимали. «Предатели пытались остановить руку рабочего класса, когда он занес ее для смертельного удара по Калединщине. Выросший на целую голову выше соглашателей, таганрогский пролетарий отвырнул (так в тексте. — А.Н.) жалкую попытку оборонцев помешать рабочим уничтожить контрреволюцию»²⁰, — писал Губарев. Однако о том, что большевики согласились на перемирие, прямо сообщает красногвардеец И. В. Замлянский: «После заключения перемирия я, будучи все время в бою, отправился в штаб»²¹. Бывший в это время в отряде Кутепова капитан А.Ф. Долгополов пишет: «Убедившись, что юнкеров им не победить, большевики с радостью ухватились за предложение Комитета общественных организаций г. Таганрога о перемирии. Дабы не подвергать опасности мирное население и избежать разрушения города, Городская дума, Земский союз и другие организации предложили большевикам выпустить юнкеров из города с оружием в руках. Вначале большевики отвергли это предложение, а потом согласились»²²...

Рано утром 20 января полковник Мастыко с офицерами и юнкерами 3-й Киевской школы прапорщиков и добровольцами из учащейся молодежи Таганрога выступили из гостиницы «Европейская», двигаясь по ул. Петровской, надеясь, согласно условиям заключенного перемирия, вывести своих людей из города. Колонна юнкеров прикрывала повозки с ранеными. На замыкающей повозке был установлен пулемет²³. На перекрестке ул. Петровской и Гоголевского

переулка колонна была обстреляна большевиками с баррикады, перегородившей улицу, и вынуждена была свернуть на Гоголевский. Отвечая ружейными залпами и огнем пулемета, отряд полковника Мастыко продолжил движение по Гоголевскому переулку до ул. Чехова²⁴. Если бы отряду удалось прорваться на эту широкую, выходящую на Мариупольское и Ростовское шоссе улицу, то он был бы спасен. Но этого не случилось. Отряд повернул с Гоголевского на узкую тупиковую ул. Кузнечную, которую к тому же пересекала широкая, заросшая ивами и кустарником балка Черепаха. Именно здесь колонну поджидала засада красногвардейцев с пулеметами²⁵.

Отряд был скошен огнем. Раненых, около 50 человек, отвезли на Металлургический завод и живыми сожгли в коксовой печи²⁶. В тот же и последующие дни по городу прошли повсеместные облавы на офицеров и прочих «контрреволюционеров» из числа жителей Таганрога, которых убивали с крайней жестокостью.

Кровавый январь в Таганроге открыл новую страшную страницу летописи русской смуты. Через несколько дней большевицкими отрядами в Киеве была устроена резня офицеров, русской и украинской интеллигенции, духовенства. Именно тогда и был убит первомученик русского епископата митрополит Владимир (Богоявленский). Тогда же, в конце января 1918 г., в Симферополе, Севастополе, Ялте «революционные матросы» зверски убили около 2000 представителей «буржуазии»... В недавно изданном исследовании группы французских историков «Черная книга коммунизма» мы читаем: «Можно ли говорить о гражданской войне применительно к первым стычкам зимы и весны 1917—1918 годов между тремя тысячами добровольцев на Юге России и большевицкими отрядами Сиверса? Прежде всего, поражает контраст между незначительной численностью творцов террора и невероятной жестокостью большевиков по отношению не только к военнопленным, но и к гражданским лицам.... Это уничтожение «врагов народа» явилось логическим продолжением революции одновременно и политической и социальной.... Это миропонимание не возникло вдруг после октября 1917 года, но, с точки зрения большевиков, представлялось вполне естественным и законным»²⁷.

Это «миропонимание», по точному определению И.А. Ильина, «не заблуждение, не слабость, не «болезнь» несчастного страдальца», но «злая человеческая воля, изливающаяся во внешнем деянии... направленная против сущности права и цели права; а так как духовность составляет сущность права — это противодуховная воля — по источнику, по направлению, по цели и по средству»²⁸. Это следование воле дьявола и творение ее.

* * *

На старом кладбище Таганрога, в стороне от главных аллей, высится четырехметровый крест, склепанный из железнодорожных рельсов. Он осеняет могилу нескольких из тех, кто принял мученическую кончину в том январе. Воздвигнут крест был, по-видимому, при добровольцах (август 1918 — январь 1919). Память церковного народа передает из поколения в поколение

Слева: могила архиепископа Арсения (Смоленца) на старом кладбище г. Таганрога. Справа: Братская могила офицеров и юнкеров убитых и замученных 17-21 января 1918 г., на старом кладбище.

имена погребенных здесь: Алексей, Андрей, Борис, Варфоломей, Василий, Иоанн, Николай. 24 марта 2001 г. на «могиле юнкеров», как ее называют таганрожцы, представителями РОВС установлено металлическое надгробье с надписью: «Честь России отстоявшим христолюбивым воинам — русским юнкерам и офицерам, в годину смуты от богоборцев умученным и убиенным».

Совсем рядом с могилой юнкеров скромное надгробие архиепископа Арсения (Смоленца). В сентяб-

ре 1917 г. он был епископом Таганрогским, викарием Екатеринославской епархии, с лета 1919 — епископом Ростовским и Таганрогским.

То же церковное народное предание говорит, что он тогда, в январе 1918 г., совершил отпевание этих семей, позже, после изгнания большевиков, погребал и прочих убиенных и замученных, тех, чьи тела были эксгумированы 10—22 мая 1918 года. Уволенный на покой с Семипалатинской кафедры в 1935 г. владыка остаток дней провел в Таганроге.

Незримая молитвенная связь соединила архиепископа Арсения с его «поминальными чадами» при жизни и в вечности...

1 Послание Патриарха Тихона к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской 19.01.1918 // Русская Православная Церковь в советское время: Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. М., 1995. Кн. 1. С. 110—111.

2 Зайцев И. 1917—1918 гг. в Таганроге. Таганрог [б. г.]. С. 72.

3 Там же. С. 73.

4 Там же.

5 Там же. С. 76.

6 Долгополов А.Ф. От Таганрога до Ростова с отрядами Кутепова // Первые бои Добровольческой Армии. М., 2001. С. 89.

7 Зайцев И. Указ. соч. С. 74.

8 Там же.

9 Зайцев И. Указ. соч. С. 76.

10 Павлов В.Е. Указ. соч. С. 14.

11 Семенов Я.Т. Как Таганрог стал «красным» городом. Запись 21.03.1927. ТФ ГАРО. Ф. Р-922, оп. 4, д. 45. Л. 64—65.

12 Пономаренко Г. Указ. соч. С. 21.

13 Там же.

14 Павлов В.Е. Указ. соч. С. 13.

15 Там же.

16 Из текста мемориальной доски, укрепленной на здании вокзала станции Таганрог-II.

17 Крицкий А. Указ. соч. С. 103.

18 Павлов В.Е. Указ. соч. С. 12—13.

19 Там же. С. 12.

20 Великий Октябрь в Таганроге. С. 45.

21 Замлянский И.В. Воспоминания о моем участии в октябрьском перевороте в Таганроге. ТФ ГАРО. Ф. Р-922, оп. 4, д. 45. Л. 48—49.

22 Долгополов А.Ф. Указ. соч. С. 82.

23 Великий Октябрь в Таганроге. С. 49; Зайцев И. Указ. соч. С. 80.

24 Там же.

25 Великий Октябрь в Таганроге. С. 50.

26 Акт № 40. Расследования по делу о злодеяниях, учиненных большевиками в г. Таганроге за время с 20 января по 17 апреля 1918 г. // Первые бои Добровольческой Армии. С. 90—92.

27 Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 2001. С. 85.

28 Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Лондон (Канада), 1975. С. 59. Гатчина 8-271-3-85-30

Георгий Кокунько

П.Н. КРАСНОВ: «ЗА ЧЕРТОПОЛОХОМ»

Московское издательство «Фавор-XXI» выпустило книгу «За чертополохом» Атамана Войска Донского, генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова. Интерес эта книга представляет еще и потому, что вместо предисловия к ней военным историком Борисом Галениным предпослан первый в нашей стране опыт реконструкции жизни и творчества Краснова с подробной библиографией.

Чтобы лучше понять, что значила и значит до сих пор для казаков, где бы они ни жили, фамилия Краснов, нужно иметь о них хотя бы некоторое представление.

«Казаки от казаков ведутся», – всегда убежденно отвечали на казачьих землях на вопрос, откуда произошло их коренное население. В самом деле, история многих казачьих родов уходит в глубокую старину. И историю эту очень хорошо знали, ею гордились, передавали из поколения в поколение.

Всем были известны наиболее заслуженные, прославившие себя ратными делами или мудрым управлением казачьими общинами фамилии. Для Дона или Кубани они значили то же самое, что для России Рюриковичи. При этом в казачью элиту, складывавшуюся веками, путь не был заказан никому – ум, доблесть, талант могли выдвинуть на самый верх любого.

Один из самых известных на Дону родов – **Красновы**, давшие казачеству и России немало офицеров, атаманов, деятелей науки и культуры.

Хотя сама их фамилия известна на верхнем и среднем Дону давно, однако упоминаться в качестве особо отличившихся в боях Красновы стали со времен Семи-летней войны (1756-63 гг.). Генерал **Иван Козьмич Краснов** – прапрадед П.Н. Краснова – был в начале XIX в. атаманом Бугского войска, затем стал одним из героев Отечественной войны 1812 года.

С тех пор Красновы – офицеры и интеллигенты – неизменно на виду: командуют частями и соединениями, служат в гвардии, среди них немало ученых, даже столичный оперный певец. Судьба, однако, распорядилась так, что сегодня наиболее известны два генерала Краснова, казненные в следственной тюрьме НКВД 16 января 1947 г., – Петр Николаевич, генерал от кавалерии Русской армии, 1869 г. рождения, и Семен Николаевич, генерал-майор казачьих войск, 1893 г. рождения. Известны в том числе и тем, что предвосхитили 60 лет назад многие сегодняшние попытки возрождения казачества, и тем, что стали последними представителями славного донского рода на российской земле...

Особенно, конечно, известен (и не только в казачьей среде) первый из них – казак станицы Каргинской,

блестящий военачальник, Войсковой атаман, известный писатель, исследователь, оставивший географические и этнографические очерки Сибири, Дальнего Востока и Африки, один из признанных вождей и авторитетов русской эмиграции. В годы гражданской войны **Петр Николаевич Краснов** стоял у истоков удивительного явления – в хаосе междоусобицы произошла самоорганизация казачьих областей, явивших пример становления государственности в полном ее объеме, со всеми необходимыми атрибутами. Во многом это объяснялось вековыми традициями казачьего самоуправления, но велико здесь было и влияние личности самого атамана.

На нескольких страницах трудно рассказать о Петре Николаевиче. По-

этому лишь вкратце отметим основные его жизненные вехи.

Он родился в семье генерал-лейтенанта Н.И. Краснова, служившего в главном управлении иррегулярных войск, писателя и историка казачества. Следует заметить, что известны были и его старшие сыновья – Андрей был ботаником, географом, основателем Батумского ботанического сада, а Платон – математиком, переводчиком и литературным критиком.

Петр Николаевич был одним из тех генералов, что не просто не смогли принять катастрофы 17 года, развала армии, но и пытались, насколько было в их силах, противостоят надвигающейся беде. 25 октября Краснов выступил со своим 3-м кавалерийским корпусом на подавление большевицкого мятежа в Петрограде. Чудом, избежав гибели, он затем уехал на Дон, где стал одним из руководителей стихийного выступления донских казаков против вторгшихся отрядов т.н. Красной гвардии – фактически банд грабителей и насильников.

На знаменитом «Круге Спасения Дона» Петр Николаевич 3 мая избирается Войсковым Атаманом. Нелегкое это было время – после гибели атамана Каледина Войско находилось на пороге гибели в море хаоса и анархии. Условием согласия принять избрание Кругом генерал Краснов поставил утверждение представленных им Основных законов Войска Донского. Дон, согласно этой конституции, **до восстановления России** становился самостоятельным государством. Краснов сплотил казаков, очистил территорию Области от шаек бандитов (до его избрания от большевиков был освобожден лишь небольшой район вокруг Новочеркасска), установил твердую законную власть, избранную народом. Сохраняя в целом преемственность от законодательства Российской Империи, донская конституция осуществляла многие чрезвычайно важные реформы в

армии, землепользовании, самоуправлении и других сферах жизни Дона. В частности, земельный вопрос решался наделением земель иногородних жителей Дона («Положение о частновладельческих землях»)...

Наряду с гетманом Украинской державы, также генералом Русской армии П. Скоропадским, П.Н. Краснов был сторонником тесного союза казачьих областей и придерживался прогерманской ориентации. Убедившись не раз в нежелании «союзников» – стран Антанты – реально помогать Белому движению, казацкие вожди пошли на союз с теми, чьи войска, находясь на территории России, уже вступили в бои с красными. Мало кто знает теперь, что именно через казацкие республики тогда шло снабжение Белой армии немецким оружием и боеприпасами.

Самостоятельность казачьих войск Краснов видел не как независимость от России, а как способ оградиться от большевистского режима, сбросить на казачьих землях остатки прежней российской жизни и плацдарм будущего возрождения всего государства. 16 августа 1918 г. на Войсковом круге в Новочеркасске Петр Николаевич говорил: **«Спасут Россию ее казаки! И тогда снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный флаг – Единой и Неделимой России!..»**

В этом заявлении нет никакого противоречия с известными действиями Краснова по утверждению казачьей автономии. В одном из писем уже 1940 г. он пишет: «...Казаки и казачьи войска, как автономные самоуправляемые Атаманами и Кругом области могут быть лишь тогда, когда будет Россия. Значит, все наши помыслы, устремления и работа должны быть направлены к тому, чтобы на месте СССР – явилась Россия».

В изгнании П.Н. Краснов продолжал активную деятельность, участвуя в работе казачьих организаций. Здесь им издано более 30 романов – в большинстве исторических, охватывающих весь период существования России и казачества, и множество рассказов, очерков, статей, переведенных на несколько десятков иностранных языков.

В годы II мировой П.Н. Краснов пытался использовать хорошие отношения с руководством и офицерским корпусом Вермахта как последний шанс воссоздать казачьи войска и осуществить реванш за поражение на первом этапе гражданской войны. Вынужденно подстраиваясь под риторику и воззрения идеологов III рейха (в частности, теорию происхождения казаков от родственного германцам племени готов), Краснов тоже объявляет казаков особым народом, не раз говорит о необходимости независимости казачьих областей и будущем их союзе с Германией.

Будем помнить – за годы советской власти только физически было уничтожено около **70%** казачьего населения, а значительная часть уцелевших была рассеяна по всей стране, а целые станицы с населением в несколько десятков тысяч человек были полностью уничтожены – чтобы понимать, почему приход немцев многими в бывших областях казачьих войск был воспринят как долгожданное освобождение, как надежда на возвращение казачьих традиций и самоуправления.

П.Н. Краснов стал начальником Главного управления казачьих войск, координировавшего создание казачьих частей в составе германской армии (начальником штаба управления к концу войны стал Семен Николаевич Краснов¹).

Напомним читателям, что в мае 1945 г. в составе Казачьего отдельного корпуса (или, как его обычно называют – Казачьего Стана) генералы Красновы сдались в плен англичанам. Находились они в лагере у австрийского городка Лиенц вместе с другими казачьими офицерами, десятками тысяч казаков и членов их семей. 28 мая под видом проведения некоей «конференции» англичане собрали всех казачьих офицеров и передали их, в нарушение ранее данного казакам слова, в руки НКВД. Дальше – следствие, суд и казнь...

Оба генералы Красновы, как и кубанский герой генерал Шкуро, генералы Султан Келеч-Гирей, Доманов и командир XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал Гельмут фон Паннвиц, были осуждены по одному делу. Помимо насилий, будто бы чинимых их подчиненными, казачьим генералам вменялись в вину антисоветская агитация, написание литературных произведений, порочащих советскую власть и колхозный строй. Всех их обвинили и в «измене Родине» – чего, не будучи гражданами СССР (за исключением Доманова), они совсем уж не могли совершить. Более того, борясь со свергнувшими законную российскую власть на деньг и иностранного государства большевиками, казненные генералы до конца оставались верны данной России присяге!

Когда несколько лет назад был реабилитирован походный атаман казачьих войск, генерал-лейтенант Г. фон Паннвиц (в 45-м добровольно сдавшийся чекистам, чтобы разделить участь своих боевых товарищей), все ожидали отмены приговора в отношении других казачьих генералов. Но ответ на требования пересмотра дела из военной коллегии Верховного суда РФ содержал все то же старательно перепечатанное обвинение от 1947 г., со всеми его абсурдными пунктами. Тот же П.Н. Краснов обвиняется – **до сих пор!** – в том, что «написал около 30 романов, которые по своему содержанию являются сгустком его ненависти к СССР, лжи и клеветы на советскую действительность, вождей ВКП(б) и руководителей Советского правительства, извращенно отражал строительство бесклассового общества, клеветал на колхозный строй»².

Литературное наследие Краснова – продолжение служения России и Дону – еще довольно плохо известно на родине и ждет серьезного исследователя. Хотя

¹Сын троюродного брата Петра Николаевича – бывший командир лейб-гвардии Казачьего полка 1-й Донской казачьей дивизии, отец нынешнего бригадного генерала армии Чили Мигеля Краснова-Марченко.

²Недавно в «Посеве» мы рассказали, как была отменена реабилитация генерала Г. фон Паннвица. На осень 2001 родственниками генерала и московскими казаками была запланирована установка памятника ему на месте захоронения праха казненных в Донском некрополе. Теперь, разумеется, эти планы пришлось отложить до лучших времен. Без формальной реабилитации ни о каком памятнике администрация кладбища говорить не желает...

Петр Николаевич не считал себя «генералом от литературы» или даже «офицером» на литературном поприще, современники высоко оценивали его дарование. «По его романам будут изучать эпоху» — писали в эмигрантской прессе. «Не одному поколению еще много и много лет будут рассказывать книги генерала Краснова о жуткой осени Великой России, о тоске падавших на землю золотых осенних листьев. О славных победах сильного духа над слабым телом, о героических подвигах, о чести и гордости Русского офицера, о доблести и жертвенности русского солдата, которых он так хорошо знал и преданно любил» (журнал «Часовой», 1931 г.).

Достаточно упомянуть, что лишь в Германии в 20-40 гг было продано (по неполным оценкам и только на немецком языке!!) более 2 млн. книг Краснова!..

Более известны воспоминания Петра Николаевича о I мировой и гражданской войнах, исторические произведения, размышления о событиях 1917 года — некоторые из них уже напечатаны на родине писателя.

Среди десятков произведений, написанных Петром Николаевичем Красновым, так не *любых* прокурорам советской выучки, несколько особняком стоит фантастический роман, написанный в стиле, как сейчас бы сказали, «фэнтэзи», — **«За чертополохом»**. Вероятно, это и один из наименее известных современному читателю в России роман. Эдакая своеобразная русская сказка. Сказка ложь, да в ней намек!..

В 1901 г. Николай II выразил желание, чтобы о новом приобретении Российской Империи — Манчжурии — и жизни русского человека в ней рассказал понравившийся ему автор «Русского инвалида» Гр.А.Д. (так подписывал в начале века статьи П. Краснов). Что ж, в 2002 г. генерал Краснов представляет нынешнему русскому читателю тоже своеобразный отчет о путешествии. Только путешествии в куда более далекую страну — страну-мечту: Россию конца XX в., могучую, процветающую, которую уже никто не сможет унижить.

Первоначальный сюжет романа зародился еще в 1921 г. по горячим следам гражданской войны. Отметим, что «За чертополохом» писался примерно в то же время, что и роман «От Двуглавого Орла к красному знамени», и не удивительно, что мы можем встретить темы, общие для этих произведений. Но самые заветные мысли, вера в великое будущее России все-таки вложены Красновым именно в роман-сказку.

Завершил над ним работу Петр Николаевич спустя 7 лет, дополнив подробностями мировой политики конца 20 гг, такими, как пакт Келлога — Бриана об отказе от войн как инструмента национальной политики (подписан 27 августа 1928 г.). Отталкиваясь именно от этой даты, можно предположить, что действие романа происходит в начале 70 гг XX в.

В книге на картах мира Россия предстает черным пятном с зловещими красными буквами — «чума».

СССР погиб где-то в 29-30 гг — в безумной попытке завоевать весь мир взорвались запасенные красной армией газовые бомбы. Потом здесь выросли заросли гигантского чертополоха, и больше 40 лет ни одна нога не вступала в бывшие российские пределы, немногие экспедиции кончались трагедией. Наконец несколько потомков русских эмигрантов вместе с немецким профессором Клейстом решают пробиться за чертополох.

Как пишет в большой вступительной статье к роману готовивший издание Б.Г. Галенин: «Ни в одном из своих многочисленных романов Петр Николаевич не обрисовал с такой, почти лубочной, яркостью и ясностью свое видение идеальной русской монархии, поистине народной монархии на началах «Православия, самодержавия и народности». Нигде он так четко и ясно не выразил свой взгляд на русскую историю как борьбу двух непримиримых начал...

Одна историческая Россия — пьяная, ленивая, бунтовская, уродливая, отчаянная и отчаявшаяся, никчемная и гнилая, готовая предать все и вся, погубить все заветы предков. Но не она истинная Россия. Россия истинная, вторая Русь — это Русь богатырей Святогорских, защищавших ее от соловьев-разбойников и идолищ поганых, державших в узде и страхе ту, первую, пьяную Русь. Она строила Кремли и храмы — и она же рубила головы той первой паршивой Руси.

Русь — это борьба. Но не борьба классов, а борьба духа Христова против бесовщины. И, пока была в силе прекрасная Русь — не было на земле силы противостоять ей. И много сил и денег понадобилось врагам России, чтобы втравить ее в безумную войну 1914 г., подставить под самые страшные удары лучших ее людей. И когда погибли они почти все — подняла голову пьяная, паршивая Русь. И стала Советская республика.

Теперь мы уже знаем и конец ее...

Пафос романа в торжестве светлой Руси — за чертополохом, где за 40 лет уцелевшие лучшие русские люди с царем и Патриархом во главе сумели окончательно обуздать и ликвидировать Русь никчемную».

Как же, по мнению писателя, стало возможным устроить эту идеальную Святую Русь?

Оказавшись на 40 с лишним лет отрезанной чертополохом от «просветленного Запада», Россия занялась домостроительством. Территория государства по числу жителей делится на воеводства, во главе которых царем ставятся воеводы, потом уже сами назначающие «десятитысячных начальников», тысяченачальников, только десятские выбираются из десятков.

В представлявшейся бывшему донскому атаману стране строго разделены собственность и власть. Власть имеющие не могут иметь собственности: все окружающее их — уголья, дома, мебель и т.д. — принадлежит государству (тем самым, по мысли Краснова, уничтожается сам смысл взяточничества).

В стране уважается самобытность всех областей: «великая, единая и неделимая с большой самостоятельностью своих областей – как неразделенная семья с женатыми и замужними детьми, живущими каждый своим домом, но на общем дворе, собирающаяся на общий семейный совет и слушающая своих стариков»; восставлены земли областей казачьих войск.

В новой России нет паспортов: каждый гражданин свободно выбирает место жительства. Обязательно и платно (чтобы ценили!) образование – но при этом всем доступно. Бедных людей нет, но талант вознаграждается очень щедро; есть равенство людей перед законом, «но мы никогда не приравняем убогого дурачка человеку таланта»; нет частных банков – рассадников спекуляций – только государственный банк.

Необычайный рассвет науки и культуры. «Творчество – дар Духа Святого», – любил повторять атаман Краснов, и эти слова звучат в романе в устах российского императора. Пустыни обводнены без построек каналов и засоления почв. Страна связана сверхскоростными магистралями с крылатыми поездами. Везде радио-, теле- и, похоже, лазерная связь. По мнению писателя, россияне откажутся от мегаполисов – даже столичный Петербург остается весьма компактным.

Краснов отмечает, что в стране развито патриотическое воспитание, особенно молодежи. Небольшие, но современные армия и флот, сохранившие при этом свои

исторические знамена, форму и названия. «В России будет порядок, и восстановится Россия тогда, когда по всем медвежьим углам по маленьким гарнизонам станут полки, батальоны и роты Императорской Армии, – пишет Краснов. – Одна мысль о существовании Армии не допускала в душах и желания беспорядков». Чрезвычайно высоко развиты наука и техника.

Страна-утопия генерала Краснова, на первый взгляд, кажется насквозь не демократичной, но при том необычайно свободна для всякого доброго делания. Здесь разумно ограничение свободы слова и идеологическое воспитание подрастающего поколения служат во благо граждан государства.

Как пишет составитель книги: «Окружающая нас действительность далека от описываемой генералом идеальной России. Но его книга заставляет чаще биться русское сердце и верить, что еще не все для нас потеряно. Нам бы пробиться за чертополох в собственных душах, и тогда, милостью Божией, перед нашими глазами раскинутся необозримые просторы нашей России!»

От себя добавлю, что Петра Николаевича не грех было бы внимательно почитать многим нашим нынешним реформаторам! Глядишь, и не наделали бы столько роковых ошибок. Помнили бы, что можно оставаться весьма культурным, образованным человеком и при этом быть патриотом!..

Георгий Вербицкий

ИСТОРИЯ С ПРОПУСКАМИ И ЗАМАЛЧИВАНИЯМИ

В 2001 г. в Москве были опубликованы две книги, в которых рассматривается тема нежелания россиян вернуться в СССР по окончании II мировой войны и насильственные выдачи их западными союзниками советам. В первой из них «Эмиграция и репатриация в России» (авторы В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров и А.В. Окорочков) дается неполный перечень заграничных эмигрантских организаций.

В предисловии к книге предлагаются определения терминов «эмиграция» и «репатриация» по Далю и Ожегову, доказывая, что «даже на уровне словарных определений в понятиях «эмиграция» и «репатриация» не существует однозначности». А вот определение слов «насильственная репатриация», «выдача», «погрузка» отсутствует, хотя совершенно ясно, как понимать эти слова! Эти понятия вошли в отечественную историю по окончании II мировой войны, и конечно, ни Даль, ни Ожегов знать их не могли, так как обоих филологов уже давно нет среди нас.

Мои замечания относятся главным образом к написанному А.В. Окорочковым в разделе 12 «История эмиграции в России». Тема насильственных выданных в нем почти не затронута. Такие фундаментальные работы, как исследования Николая Толстого «Жертвы Ялты», «Жертвы двух диктатур» и «Не по своей воле» Павла Поляна, не упомянуты. Так же не найти и книгу воспо-

минаний Евгении Польской «Это мы, Господи, пред Тобойю ...», которая захватывает читателя своей правдивостью и ярко описывает жестокость советов по отношению к выданным казакам, их женам и детям в июне 1945 г. в г. Лиенц, Австрия. Не упомянуты книги на эту тему на английском языке, хотя список этих книг не так трудно найти!. О тяжелых судьбах военнопленных красноармейцев, остовцев и просто граждан СССР после возвращения на родину сказано очень кратко. Во всем, как пишет автор, виноват Сталин. Конечно, это далеко не так: у Сталина было много помощников. Ответственность за преступления в конце концов несет и вся система советской власти, основанная на диктатуре КПСС, и люди, служившие этой власти.

Есть в книге и другие замалчивания. Так, НТС представлен чуть ли не подрывной организацией. А ведь эта организация, основанная в эмиграции, при первой возможности вернулась в Россию, где работает у себя дома и по сей день. Вот как характеризует НТС современный русский историк В. Е. Шамбаров в своей книге «Белогвардейщина»: «Взяв у РОВСа лишь главную суть - продолжение борьбы с коммунистическим режимом, и цель - возрождение России на здоровых государственных началах, новый союз уже стал организацией политической. Это тот самый НТС, который в течение

60 лет всеми силами старался способствовать духовно-му, нравственному и политическому пробуждению России, с которым так долго и безуспешно боролся КГБ, и который дождался крушения коммунизма». О работе НТС на оккупированной немцами территории СССР - ни слова! Надо знать, что за членами НТС охотилось не только гестапо, но и советские подпольщики, оставленные на оккупированных землях для партизанской войны. И эти подпольщики выдавали членов НТС немцам, потому что Союз боролся за Россию без коммунистов и нацистов.

В беженских лагерях по окончании II мировой ОРОР (Организация Российских Юных Разведчиков) была доминирующей молодежной организацией. Если НОРР (Национальная Организация Русских Разведчиков) где-то и вел работу, то мало кто об этом знал или слышал. А в книге помещены фотографии только лагеря НОРР и ни одной ОРОР!

И еще одно замечание о фотографиях. На одной из страниц помещены фотографии Белых вождей: Колчака, Деникина, Кутепова и Врангеля. Под фотографией Колчака причина смерти не указана (под другими фотографиями она указана), хотя хорошо известно, что адмирал Колчак был расстрелян большевиками 7 февраля 1920 г. в Иркутске, на льду реки Ушаковка, притока р. Ангары. Тело адмирала палачи столкнули в прорубь.

Есть и фото памятника Тысячелетия крещения Руси, установленного в США, в г. Эндикотт. Надо было уточнить, что этот памятник стоит у входа в церковь Св. Николая Чудотворца, РПЦЗ, г. Эндикотт, штат Нью-Йорк. В США, кроме Эндикотта в штате Нью-Йорк, есть еще два Эндикотта, в штатах Аляска и Вашингтон. Чтобы не было замешательства, общепринято всегда после города указывать штат, где этот город находится.

Автор второй книги «Заложники Второй мировой войны» – Ю.Н. Арзамаскин. Она вышла в серии «Российская историческая военно-политическая библиотека»; координатор и руководитель которой А.В. Окорочков. Таким образом, и автор и Окорочков ответственны за правдивость предлагаемого материала.

В этой книге, главным образом, рассматриваются два печальных события II мировой: причины, по которым более 5 млн красноармейцев оказались в немецком плену, и репатриация россиян из Европы в СССР по окончании войны.

Книга снабжена большим количеством сносок на работы других историков и на документы из фондов ГАРФа.

Но беда в том, что изложение автором обеих главных тем не имеет почти никакого отношения к истине. В течение первых полутора лет войны красноармейцы добровольно сдавались в плен, не желая защищать преступную советскую власть. Многие тогда считали, что немцы пришли как освободители, а не как поработители, и встречали их хлебом-солью. Дикая, запланированная жестокость «высшей расы» рассеяли иллюзии. За первые полтора года войны в плену оказалось 82% от всей численности пленных за всю войну². На эту тему у меня был разговор с В.Н. Земсковым на страницах журнала «Россия XII» № 5/6, 1995 и № 5/6, 1996. Ав-

тор упоминает первый «разговор» 1995 г., а о втором разговоре 1996 г., более значительном и противоречащем тезисам автора, молчит.

Ссылаясь на многочисленные источники, автор утверждает, что западные союзники препятствовали возвращению беженцев домой. Трудно придумать что-нибудь более далекое от истины. Всеми правдами и неправдами россияне сопротивлялись насильственной репатриации в СССР в 1944-47 гг. Западные союзники часто применяли силу при отправке людей на родину, мотивируя это злодеяние подписанием позорного Ялтинского соглашения в феврале 1945 г., по которому все, кто был под властью советов на 1 сентября 1939 г., подлежали возвращению, не взирая на личное желание. Отсюда и пошло слово «погрузка»: людей насильно сажали в грузовики, везли к ближайшей железнодорожной станции, грузили в вагоны, где их ждала союзная охрана, которая и передавала наших соотечественников в советское рабство. Конечно, сразу по окончании войны многие вернулись добровольно. Выбора у них не было до конца 1947 г., когда западные союзники, наконец, покончили с насильственными выдачами. Многие думали, что лучше вернуться добровольно, авось, этот шаг пойдет им на пользу в «проверочно-фильтрационных лагерях». Поэтому любая статистика не отражает действительное желание людей: вернуться домой или остаться на свободе.

Когда насильственные выдачи прекратились, в СССР мог вернуться любой. Западные союзники препятствий желающим вернуться не чинили. Пишу я об этом по личному опыту: свой лагерный путь я начал в Лиенце, затем был в лагере Русского Корпуса Келлерберг, в Парше под Зальцбургом и в Луитпольд Казерне в Мюнхене, в смешанном русско-сербском лагере. И нечего цитировать, как источник, пропагандистскую демагогию Молотова, лившего крокодилы слезы, что, мол, «наших не пускают домой». А как орудовали советские репатриационные миссии – голиковские головорезы, можно прочитать в моей книге «Остарбайтеры»³.

Дело в том, что в документах того времени писалось то, что представлялось приемлемым «мудрой партии и правительству». Нельзя же было докладывать, что далеко не все жаждут вернуться в страну концлагерей и КПСС. И в ГАРФе документов с иным содержанием быть не может. Ложь того времени не становится сегодняшней правдой. Можно лишь удивляться, зачем сегодня, когда можно писать без оглядки, люди тратят время и пишут книги, повторяя заведомую ложь.

В конце книги автор сетует, что нехорошие западные союзники выдавали нашего брата, и тут не заканчивает свою мысль. А кому же выдавали россиян, не желавших вернуться в СССР? Выдавали «своим», а те уже бесчинствовали, расстреливали, морили в лагерях возвратившихся насильственно или добровольно. Но именно об этом в книге Арзамаскина и не сказано.

1 Г. Г. Вербицкий, *Насильственные выдачи россиян в 1944 - 1947 гг. в литературе на английском языке*, Новый Часовой № 8-9, 1999, Санкт Петербург.

2 Г. Г. Вербицкий, *Заметки на полях книги Ю. Е. Финкельштейна*, «Посев» № 12, 2001, Москва.

3 Г. Г. Вербицкий, *Остарбайтеры. Документы и воспоминания*. США, 2000, стр. 20-24 и 203-205.

Б. Пушкарев

МЕМУАРЫ В.М. БАЙДАЛАКОВА

С тех пор как Виктор Михайлович Байдалаков, председатель НТС с 1934 по-1954 г., умер в Вашингтоне в 1967 г., ходили слухи, что он оставил после себя мемуары. И вот, в 2002 г. они вышли в Москве в издательстве «РУСАКИ» под заглавием «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена». Увы, публикатор, печально известный А.В. Огороков, автор злополучной книги «Фашизм и русская эмиграция», рецензировавшей в «Посеве» № 3 за 2002 г., не указывает, откуда он взял текст (вероятно, из архива Б.В. Прянишникова). Не дает он указаний и на критерии отбора материала для публикации, на принципы редактирования. Занимает публикация всего 74 страницы. Их можно разбить на 4 части: довоенный период, война, послевоенный период и раскол 1955 г.

Первая часть следует стандарту, по которому в НТС принято было писать про 1930 гг: обанкротившиеся эмигрантские политики старшего поколения, политически безграмотное белое офицерство – и жертвенная, ответственная, ищущая молодежь, самонадеянная и с чувством собственной исключительности. Не стандартно сожаление автора о том, что довоенный Союз пренебрег «Новым Градом» Г. Федотова и кругом его идей, а также и признание, что, помимо Польши и Японии, довоенный Союз получал поддержку и от правительства Югославии. «Главное направление» – вылазки в СССР – описано бегло и прилагательно.

Интереснее вторая часть, касающаяся войны. Принципиально новой информации здесь тоже нет – мемуары носят характер популярного очерка ранней истории Союза. Но зато даны в хронологической последовательности шаги по переезду союзного руководства в Берлин и деятельности его там. Перечислены все следователи гестапо, допрашивавшие членов Союза в Берлине. И дана как бы панорама деятельности НТС с точки зрения центрального наблюдателя – именно таким «наблюдателем» своей организации и был во время войны «дядя Витя». Руководителями и деятелями были те, кто действовал на местах. Власовское движение описано вполне лояльно и не видно следов того, что в 1945-46 гг Байдалаков к нему относился весьма критически, вызвав ряд ненужных конфликтов. Ничего не сказано про его роль в создании документа «Основы дела» (1946), хотя именно этот документ он противопоставлял влиянию «советского духа» в НТС.

В третьей части ранние послевоенные годы описаны с верой в дело и в то же время с некоторым недоумением – поскольку «дядю Витю» деловое послевоенное руководство Союза отправило на несколько лет в США, чтобы не мешал. Представительских функций он там нести не мог, т.к. языка не знал, а работал на спичечной фабрике и жил в бедной части Бруклина, в подвальном этаже. Там я его единственный раз в жизни и встретил. Была жара, он вышел из душа открыть мне дверь, в чем мать родила. Таким, коренастым и голым, он мне и запомнился. Когда он наезжал в Германию, его ждали сюрпризы: то надо нелюбимого им Е.Р. Островского назначить уполномоченным по связям с американцами, у которых тот раздобыл деньги, то оказывается, что четверо наших парашютистов – Горбунов, Лахно, Маков, Ремига – расстреляны в Москве, то еще двое – Кудрявцев и Новиков – якобы «явились с по-

винной». Я полагаю, что именно гибель наших парашютистов в 1953 г. послужила замедленным детонатором отхода многих членов в 1954-55 гг, поставив под вопрос всё сотрудничество с американцами. Байдалаков же «раскол» трактует стандартно – переходом от организации общественной к аппаратной, да к тому же еще возглавляемой «новыми кадрами» из второй эмиграции.

Небезынтересна четвертая часть – как ушедшие попробовали вместо «аппаратной» возродить «общественную» организацию, и у них, кроме пустословия, ничего не вышло. Явно причины «раскола» были иные: просто люди уставали, разочаровывались в деле. Статистика, кстати, это подтверждает: все послевоенные годы шел быстрый, но весьма регулярный спад численности Союза после взлета военного времени. Кстати, этот взлет Байдалаков объясняет не популярностью идей Союза, а его монопольным положением. Спад же утих лишь к 1970 гг. Хотя цифр Байдалаков не знал (очень были засекречены), он их косвенно подтверждает, говоря, что в 1950 гг бывших членов Союза было уже больше, чем настоящих. Интересны вопросы, которые его мучили:

1) Почему многие члены НТС, отбывшие сроки в советских концлагерях, стремились выехать обратно в свободный мир? Разве членам зарубежной организации на родине больше делать нечего?

2) Стоит ли крушение советской власти связывать с термином «революция», когда этот термин так дискредитирован в народе?

3) Руководить революционным процессом из зарубежья невозможно. Так чего вообще народ ждет от эмиграции?

Байдалаков скорбит, что ушедших вместе с ним из НТС коллег эти вопросы не волнуют. Кончает же он свои воспоминания словами, что «заказ истории» – это наличие в подлунном мире «российской независимой и свободолобивой общественно-политической «тверди», вне зависимости от количества членов и ее размера, ценной исключительно накалом веры, воли и дерзания». Что же, Виктор Михайлович, этот «заказ» мы сегодня в России стараемся выполнять!

Остается сказать про оформление издания. Введение и комментарии написал А.В. Огороков. Свойственная ему небрежная редакторская работа вполне отражена и здесь. Бросаются в глаза опечатки типа Н.Б. Струве вместо П.Б. Струве, накал вместо начал, Кульен вместо Жульен, ТОД вместо «Тодт». Биографии встречающихся в тексте лиц написаны крайне неровно, с фантастическими ошибками. Так, Е.Р. Островский из Менхегофа переехал в Лимбург, а вовсе не в Мюнхен, где никогда не жил, а Д.В. Брунст не «скончался в СССР в 1970-х годах», так как встречался в Москве в 1996 г. с В.Д. Поремским. Перечислять все здесь нет возможности, но можно указать на непонятно зачем приведенные списки некоторых членов Союза 1951-52 гг. (216 человек выбрано из 823 на каком основании?) и заявления о выходе из Союза 7 человек в 1965 г. В чем смысл публикации этих случайных материалов – нигде не сказано.

Все это делает публикацию мемуаров В.М. Байдалакова научно несостоятельной.

ПАМЯТИ ВЕНИАМИНА ИОФЕ

20 апреля на 64-м году жизни скоропостижно скончался Вениамин Викторович Иофе – автор «Посева», директор Научно-Информационного Центра (НИЦ) «Мемориал» (СПб), член правления Международного общества «Мемориал».

Вениамин Викторович родился в Уфе в 1938. Школу окончил в Ленинграде. В 1962 закончил Технологический институт им. Ленсовета (специальность – инженер-технолог) и поступил в аспирантуру. В 1964 вошел в подпольную группу, выпускавшую самиздатский журнал «Колокол», печатался в этом журнале (отдельные материалы из «Колокола» появились в «Посеве» в 1968). В 1965 был арестован. Находясь в камере «Шпалерки», изучал японский язык. Лагерный срок отбывал в Мордовии. После освобождения Иофе вернулся в Ленинград, работал инженером. С 70-х активно участвовал в правозащитном движении, сотрудничал с «Хроникой текущих событий». С 1976 печатался в самиздатском историческом альманахе «Память», позднее в реферативном журнале самиздата «Сумма». Подвергался преследованиям за свою деятельность. В 1982 за участие в работе Фонда Солженицына (Русский общественный Фонд помощи политическим заключенным и их семьям) получил предостережение по Указу ПВС от 25.12.1972 и был уволен с работы.

В конце 80-х Иофе стал одним из основателей Общества «Мемориал». С 1988 он бессменно руководил Историко-архивной комиссией петербургского «Мемориала», был сопредседателем Общества. В 1992 им был создан НИЦ «Мемориал» (СПб), который он возглавил. До сих пор НИЦ – единственная научно-исследовательская организация в Петербурге, специализирующаяся на изучении истории политических репрессий. Иофе был главным редактором издательства НИЦ «Мемориал» и бюллетеня «Вестник «Мемориала».

За годы работы в «Мемориале» Иофе организовал целый ряд конференций и выставок, посвященных истории политических репрессий, истории ГУЛага. Он занимался поисками захоронений погибших, сбором архивных материалов, позволяющих восстановить и сохранить память о людях, имена которых власть старалась вычеркнуть из истории. Иофе – автор множества научных и публицистических статей, печатавшихся в российских и зарубежных изданиях. В 1998 вышел сборник его статей и выступлений «Новые этюды об оптимизме».

В 1990 г. Иофе оказал большую помощь нашему Союзу, предоставив зал в используемых «Мемориалом» помещениях для проведения первой всероссийской конференции НТС. Оказывал он помощь нашей организации и в дальнейшем. В 1997 Вениамин Викторович был консультантом при подготовке брошюры «Коммунистический режим и народное сопротивление 1917 – 1991», первой из серии «Россиеведение». Тогда же он высказал предложения о необходимости выпуска «Посевом» серии брошюр, посвященных народным антикоммунистическим восстаниям, и о создании монографии по истории народного сопротивления. В 2000 г. благодаря его усилиям два члена Союза из числа бывших политзеков побывали в Германии с миссиями, весьма полезными для НТС.

В политике Вениамин Викторович был бескомпромиссен. Однажды, выбрав путь, он шел по нему до конца. В жизни Иофе был человеком жизнерадостным и остроумным, превосходным оратором. Таким он навсегда и останется в нашей памяти. Выражаем наши искренние соболезнования родным и друзьям покойного, скорбим вместе с ними.

В. Долинин, А. Штамм

О КОНЧИНЕ А.В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Редакция журнала «Посев» с глубоким прискорбием извещает, что 17 мая с. г. в Петербурге на 62-м году жизни скоропостижно скончался скульптор, друг НТС Александр Васильевич Добровольский. Александр Васильевич был автором мемориальной доски А.В. Колчака, недавно установленной в Морском корпусе в Санкт-Петербурге, а также многочисленных рельефов, посвященных вождям Белого движения. Выражаем соболезнования родным и друзьям покойного.

